

Барановская Т.Н.

ДОМ ОКНАМИ В ЛЕС

Рассказы

Издательство «Старт»
Рязань 2009

ББК 84(Рос=Рус) 6 Ряз
Б 242

*Автор искренне благодарит
депутата Рязанской городской Думы
Клавдию Филипповну Комарову
за моральную и материальную
поддержку проекта*

Барановская Т.Н. Дом окнами в лес: Рассказы. – Рязань: Издательство «Старт», 2008. – 80 с.

Шагая по жизни, человек несёт одну большую корзину и много маленьких. И неизвестно, какая ноша тяжелее. В этом образном сравнении – ключ к новому сборнику рассказов Татьяны Николаевны Барановской «Дом окнами в лес». Как и в первой своей книге «Рябиновые бусы», автор утверждает: бытие разнообразно, и мир многомерен, нет в нём чёрных и белых красок, однозначно плохих и хороших людей, и никогда ни при каких обстоятельствах не погаснет звезда любви и надежды.

ISBN 978-5-902405-03-3

© Барановская Т.Н., 2009
©Издательство «Старт», 2009

ОТ АВТОРА

Читаю Вертинского, кумира утончённой публики прошлого века:

*« И уходят в закатные дали
Золотые кораблики-сны.
Это те, что мы в детстве пускали
По ручьям и по лужам весны».*

Надувает паруса память. Открываю наугад старый, в плюшевом переплёте семейный альбом. На плотной странице фотография: мне нет и трёх лет, бабуле и дедуле немногим за сорок.

Мы жили на улице Радищева, детский сад был за углом. С утра бабушка надевала на меня чистое платьице, каждый день свежее, пристёгивала булавкой носовой платочек, чтоб не потерялся. Иногда бабушка уезжала к сестре Насте в деревню Павловку. Об этом воспитатели узнавали безошибочно: «Ганечка, тебе кто косички заплетал? Дедушка? Сразу видно. У Евдокии Николаевны всегда волосок к волоску». Именно такой – строго прилизанной, без всяких там кудряшек, да ещё примыленной для гладкости была моя обычная причёска.

В садике давали сливочное масло. Оно было солёным на вкус. Но в пятидесятых годах прошлого века для Рязани считалось деликатесом. Я его не любила и украдкой соскребала с хлеба. Кухня наша была оклеена газетами, обои берегли для комнат. Я уже умела читать и часто находила на стенке фамилию дедушки. Он работал корреспондентом в районке «Ленинский путь».

Отдыхать мы ездили в Луковский лес. Дедушка, пропустив стаканчик-другой, ударялся в политику. Мне это было непонятно. Я уходила за орехами, пригибала кусты, набивала карманы. Если на обратном пути проходили мимо кукурузного поля, старалась прихватить початок, в городе этого лакомства было не сыскать. «Нехорошо, Танюша», – говорила мне бабушка. Но я всё равно прихватывала.

Дом наш был старый, деревянный, в окружении таких же «развалин». Говорили, что всё это было когда-то одной усадьбой помещика и в нашем доме как раз располагалась людская. Две комнатки с высокими-превысокими потолками и прихожка. Потом за собственные деньги пристроили кухню (ту самую, оклеенную газетами). Значительно позже – верандочку.

В сарае мы держали поросёнка Ваську. Семейное предание гласит: меня никак не могли отучить от соски-дудушки, и тогда бабушка спрятала её, а мне сказала: «Васька съел». Васька?! Ваську я о-бо-жа-ла. И слёзы мои вмиг высохли.

Двор наш был весь в зелёной траве. В жару ели окрошку на улице за деревянным столиком в тени. Ближе к вечеру многочисленные обитатели квартирок расстилали одеяла на вольном воздухе, там и спали ночами.

Клумбы с цветами тщательно оберегались (на семена, рассаду соседи скидывались). Из детей были только я и Лёня, все звали его Лёдик. Мы с ним играли в магазин: ставили на кирпич дощечку, получались весы, денежками были фантики и листочки акации.

Летом все варили варенье. Бабушка выносила на крыльцо малиновые, вкусно пузырящиеся пенки. На втором этаже жила тётя Лёля, у неё были куры, которых мне разрешалось иногда покормить. И ещё она чудесно вязала. Белые снежинки выходили из-под её крючка во все времена года. Ещё была тётя Полина, она выписывала «Правду», и неизменно рано-рано, ещё до завтрака почтальон вручал ей газету со словами: «Вам корреспонденция». Вечером корреспонденция читалась уже в беседке – всем миром.

Улицу украшали сады с вишнями и яблонями, по осени урожай поровну делился между соседями, среди которых было много людей немолодых. К ним относились с особым почтением, носили им воду из колонки. Запомнилась одна отважная бабуля, которая долго караулила у обкома партийного секретаря. И как только он вышел из машины, она тут как тут: «Николай Семёнович, мы живем на этой улице. А почтового ящика рядом нет. До почты далеко ходить». И хотите – верьте, хотите – нет, но уже на сле-

дующий день почтовый ящик прилепился к зданию обкома. Но это я забежала вперёд.

У бабушки с дедушкой я жила потому, что мой папа Коля учился в военной академии, а мама Зоя работала в школе. В Москве они снимали угол в коммуналке. Когда, неимоверно соскучившись, они брали меня к себе, больше всего поражала меня кухня – на десять семей. Особенно нравился мне сосед Клавдий Борисович с необычно красивой фамилией – Птица. Если он встречал нас с мамой на выходе, галантно раскланивался и обязательно говорил: «Здравствуйте, землячки». И обращался ко мне: «Ну что, Танюша, идёшь за потрошками?» Подразумевалось, что суп из куриного мяса нам не по карману.

Не так давно я узнала, что дальним предком по бабушкиной линии был не кто иной, как художник Саврасов. А в дедушкиной родне была татарская княжна Кильдишева. Рассказывали, что брат дедушки Васи Николай Федорович погиб, сражаясь с басмачами в Средней Азии. И будто бы другой его брат Александр Федорович написал Троцкому просьбу привезти останки Николая на родину, чтобы захоронить. На что Троцкий якобы ответил отрицательно, мол, если мы будем ещё и гробы перевозить... А отец моего дедушки Федор Михайлович Сморчков слыл единственным грамотным крестьянином в селе Соколове и без ложной скромности говорил: «В России-матушке два умных человека: я и Ленин».

Для меня семейный дух – понятие не отвлечённое. В нём, как кусочки мозаики, то, что было до тебя, при тебе, что будет после тебя, при твоих детях, внуках, правнуках. И то, какие соседи тебя окружают, тоже важно для семейного благополучия. По большому счёту, люди ведь разнятся не внешностью, а более значительно – аурой, подчас невесомой, открытой только близким людям.

И ещё я думаю, что человек может быть счастлив только оттого, что рядом с ним мама и папа, бабушка и дедушка. Его семья.

Женщина счастлива любящим мужчиной, мужчина – женщиной. И если у вас к тому же заботливые дети, верные друзья, добрые соседи, отзывчивые сослуживцы, – считайте, что жизнь удалась. Да здравствует жизнь!

АССОРТИ

– Куда мне с ним? – Наташа промокнула платочком глаза, не забыв заглянуть в зеркало.

«Действительно, куда? – подумала Катерина Петровна. – В общежитие с грудничком не пустят, да и нужно дочке устраивать свою личную жизнь. Нет, придется оставить внука у себя».

– Кто отец-то? – в который раз спросила она Наташу.

– Ну, мама, – та капризно надула губы. – Он на мне никогда не женится. А если ты насчет отчества, то оно у Семки будет Андреевич.

Стройный, с копной светлых волос, Семен, подрастая, кружил головы деревенским девчонкам. У Наташи уже была своя семья, росла дочка Иришка. А Семён по-прежнему жил с бабой Катей в деревне.

Наварив чугунок картошки и укутав его в одеяло, она сидела в ожидании внука. Щи упревали, чай был заварен покрепче, банка вишнёвого варенья выставлена на стол.

Уроки в старших классах заканчивались заполдень. Семён аккуратно складывал книжки в тумбочку, мыл руки.

– Сёма, – спрашивала она внука, – не хочешь съездить в город, маму проведать?

– Нет, бабушка, не хочу.

Учение давалось Семёну с трудом, особенно понимала химия. Катерина Петровна сходила к «химичке» домой, захватив десяток яиц, кусок сала с розовыми прожилками и бидончик парного молока.

– Помоги Сёме, Нина Ивановна.

– Конечно, я с ним позанимаюсь дополнительно. Это моя обязанность.

– Обязанность не обязанность, а гостинец возьми.

«Сёма школу кончает, – писала она Наташе, – куда дальше пристраивать будем?» – «А куда хотите, –

был ответ, – у Ирочки способности к танцам обнаружили, возим её в секцию, это на другой конец города».

Внук между тем определил свою судьбу сам: «Пойду я, баб, в военное училище».

– Это хорошо, – мысленно она примерила на Сёму шинель. – Будешь, как твой дед (царствие ему небесное), – со шпалами.

– С какими шпалами?

– Ну, сынок, с погонами.

Тося, девчонка Семёна, осталась его дожидаться.

– Вот свадьбу сыграем, – говорила ей Катерина Петровна, – пойдут у вас детки.

Тося краснела и смущалась.

Но однажды Семен заявился в увольнение не один.

– Баба Кать, это Лиля, – и шепнул, выйдя на кухню: – Дочка моего командира.

– А Тося? – спросила она тоже шёпотом.

Семён засмеялся, взял закипевший чайник и пошёл в комнату.

Тося прибежала на следующий вечер в слезах: «Баб Кать, девчонки говорят, видели Сёму с какой-то приезжей в зелёных лосинах». Катерина Петровна вздохнула, а наутро засобиралась в город. В училище внука долго не вызывали, потом он подошёл – хмурый. О чём они говорили, так и осталось тайной. Но летом Семён женился на Тосе, и они, по его распределению, уехали на Север.

Долго Семён не подавал о себе весточки, не писала и Тося. Через полгода внук всё же нагрянул. Правда, всего на денек. Заехал и летом, тоже ненадолго, проездом на море, там, на курорте, уже ждала его Тося.

– Посмотрю на тебя, Катерина, я уж такое пальто на помойку снесла, а ты всё носишь, – сказала ей как-то соседка Глафира. – Трудно на пенсию-то жить?

– А мне Семён переводы каждый месяц шлёт, – улыбнулась Катерина Петровна. – А пальто... да я к не-

му так привыкла, что жаль расставаться... да и куда мне, Глаша, ходить?

– А помнишь, как на ферме в красном уголке чаи гоняли? От коров придём уставшие, но ведь молодые были, шали накинём... Напрасно ты из доярок ушла в сторожихи.

– Так Сёма родился, сама знаешь...

Тося в селе так и не показалась, а мать выписала к себе, дом заколотили, и по весне приехал Семён – уже капитаном. Продал тещино хозяйство каким-то заезжим молодцам. На радостях пошёл на почту, отбить телеграмму жене.

– Семён Андреевич, – почтальонша Вера, которую он помнил одноклассницей, отвела его в сторону, попросила присесть. – Сёма, не мое это дело, но... бабушка ваша совсем обнищала. Пенсия – копейки. Что же вы, любимый внучек, ей ни разу перевод не прислали? Она вон по деревне рассказывает, что Сёма её деньгами завалил, а я-то знаю, ни копейкой вы ей не помогли за всё время, да и письма редко-редко от вас ношу. Знаю правду, а молчу... Хоть бы подарочек какой старухе привезли – платочек или халат байковый.

– Подарочек... Да-да... Вера, ты уж поскорее телеграмму передай, а то супруга будет волноваться.

Уехал он на следующий день: дела, дела... Катерина Петровна провожать его не пошла: сильно болели ноги. В ожидании автобуса Семен насвистывал весёленький мотив.

– Домой собрался, Семён Андреевич? – Вера вышла на крылечко почты.

– Домой... А, да! Тебя вот увидел и вспомнил... Есть тут какая-нибудь палатка?

Вернулся Семён через пять минут с коробкой конфет: «Отдай, пожалуйста, бабушке от меня. То есть от нас с женой».

«Ассорти» – прочитала Катерина Петровна и погладила рукой глянцевою обертку с цветочком и рюмкой шампанского. Слезы вдруг побежали по её щекам.

– Баба Кать, да вы попробуйте конфетки, – затараторила Вера, пряча глаза. – У нас таких не найдёшь. Семён ваш уж так старался, так старался. Покупал, говорит, в Москве, в самом главном универмаге, да за хлопотами забыл отдать...

ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

– Бессовестные! – моя попутчица бесцеремонно тыкала пальцем в молодую пару на переднем сиденье и громко (громче некуда!) выражала своё негодование.

– Я в армию иду, а Катя моя невеста, – повернул голову парень, продолжая обнимать девчонку, и поцеловал её розовое ушко.

– На позицию девушка провожала бойца, – неожиданно пропел чей-то голос и уточнил: «Невеста считай что жена».

Между тем Катя что-то шепнула жениху, и они спешно пошли к выходу, явно раньше своей остановки.

– А юбка-то, юбка... девки стыд потеряли... – не унималась попутчица.

Её, впрочем, никто не поддержал.

За окном грелась в лучах солнца Солотча, и хвойный дух перебивал запах бензина в салоне. Но только миг, как вспугнутая с цветка бабочка, улетучилось хорошее настроение...

Вспомнилось, как когда-то радикально укоротила я подол белого в красный горошек крепдешинового платья, только что принесённого из ателье. В институте предполагался вечер с торжественной частью и танцами. Никак не думала, что мне придётся при всём честном народе подниматься на сцену. Но оказалось, что мой рассказ, опубликованный в студенческой многотиражке, отметили премией. Как сейчас вижу расширив-

шиеся в изумлении глаза любимого декана, улыбку на лице проректора и поджатые губы преподавательницы, безбожно занимавшей оценки всем хорошеньким девушкам. Ужасно хотелось натянуть платье пониже... Уже на следующий день по моей просьбе бабушка пристрочила к подолу рюшку, собрав на нитку капроновую ленту. Но, мудрый человек, она не укорила меня ни единым словом.

Все эти мысли промелькнули в моей голове быстрее, чем я о них рассказываю. А в следующую минуту другие воспоминания нахлынули...

В десятом классе за одной партой со мной сидел юноша по имени Владимир. Наши отношения развивались по лучшим канонам классического школьного романа. После уроков он провожал меня до дома, нёс мою сумку и мешочек с обувью. На 8 Марта дарил цветы и плюшевые игрушки. Мы не таились ни от родителей, ни от учителей, ни от соучеников. Да и таить-то было нечего. Вечерами (строго до девяти – не позже!) гуляли вокруг давно заглохшего фонтана – единственной достопримечательности степного военного городка. И даже местные хулиганы не задирали нас.

Как-то, по обыкновению держась за руки, мы возвращались скорым шагом с прогулки в сгущающихся сумерках. Столкнулись с Анной Ивановной по прозвищу Палкина. Как в оловянных солдатиков на плацу, сварливо-неумело вколачивала она в нас на уроках математики при полном отсутствии даже намёка на человеческие чувства. Она жёлчно сморщила лицо в ехидной усмешке в ответ на наше «Здравствуйте», и меня будто льдинкой в сердце кольнуло.

На следующее утро её глаза недобро остановились на мне.

«К доске!» – она со срывом прямо с порога назвала мою фамилию. Под её холодным взглядом я никак не могла согласовать икс с игреком, хотя обычно справлялась с этим легко.

«Поменьше надо гулять по вечерам!» – почти выкрикнула она.

Это было так несправедливо (я училась на пятёрки) и сказано с такой злобой, что класс взревел, а я выбежала вон.

Остальное мне рассказали. Володя, выпрямившись во весь свой баскетбольный рост, минуту смотрел прямо в глаза Анны Ивановны, потом срывающимся баском сказал лишь одно слово «Дура!» и вылетел вслед за мной.

Мы стояли у окна.

«Затопишь всю школу», – пошутил он, беспомощно глядя на мои слёзы. И вдруг наклонился и легко коснулся губами моей солёной щеки, вздрагивающих в обиде губ. Это был мой первый поцелуй. И он – увы – отдавал горечью.

БАБУЛЬКА

– Ну, ещё немного, ещё чуть-чуть, – зычный голос кондукторши прорезал троллейбусный салон.

Проследив за её взглядом, Лариса Андреевна увидела, как, тяжело опираясь на палку, поднимается по ступенькам престарелая женщина.

– Вот ведь, – добавила кондукторша, ни к кому конкретно не обращаясь, – в чём только душа держится, а туда же, ездить им надо, и все в переднюю дверь норовят, а она самая неудобная – узкая. Бабуля, побыстрее, сколько ж мы стоять будем, людям на работу ехать надо.

Бабуля между тем вслед за палкой втащила в троллейбус большущий мешок, напоминающий тару изпод сахара. Дышала она часто и неровно – с шумом. У Ларисы Андреевны на глазах чуть слёзы не навернулись: она живо представила свою бабушку вот в таком отчаянном положении. Она уже собралась уступить место бабуле, но та решила и сама за себя постоять. Про-

бираясь к местам для инвалидов, бабуля возопила: «И кто это моё место занял?»

– Вот так бабулька, прямо хохмачка! – прокомментировала ситуацию кондукторша и ретировалась на заднюю площадку.

Дюжие парни в камуфляже никак не среагировали. Лариса Андреевна, не выдержав, уступила место, хотя уже и носила в сумочке пенсионное удостоверение и была, конечно, не самой молодой в салоне.

– Какая нужда вас в дождь гонит из дома да ещё с таким грузом? – посочувствовала Лариса Андреевна, незаметно стараясь сдвинуть бабушкин мешок, камнем придавивший новые туфли.

– Надо, – кратко ответила бабуля.

– И что же, вы одна, помочь-то вам некому?

– Одна. Одна... как перст. А ты мне, дочка, мешок подай, как выходить стану.

Доживёшь до таких лет да останешься совсем одна, горестно размышляла Лариса Андреевна, нарезаая дома овощи для борща.

Из семи картошек все оказались негодными, нечего было и пробовать убрать черноту. По всему выходило: топать на рынок.

Знакомую бабулю она увидела сразу. Та бойко торговала картошкой. Куда и одышка делась. Сделав вид, что не узнала попугачицу, бабуля отвесила картошку и сказала, не глядя: «Тридцатник».

– Мы же по 13 рублей сторговались, – робко заметила Лариса Андреевна, – а тут и двух килограммов нет, да и весы какие-то...

– А, бабулька, опять обсчитываешь, – по проходу шёл парень с квитанциями, собирая плату за торговое место.

– Ты уж, сынок, много с меня не бери, я со своего участка торгую, – деловито сказала бабуля.

– Сынок... Какой я тебе сынок?... Твой сынок на «мерседесе» ездит. Вот, гляди, через полчаса ещё ме-

шок тебе припрёт и газанёт. Со своего участка... Большой же у вас участок...

– А что ж, – хитро улыбнулась бабулька, – мой Сашок выгоду блюдёт, с меня-то, старухи, какой спрос, пятёрку за место – и готово дело, – а ему торговать... пятёркой не отделается... Ну, кому картошечки – чистая, белая, вкусная.

НА МАЛЕНЬКОМ ПЛОТУ...

История этой семьи обростала подробностями, можно сказать, на моих глазах. Бабу Настю я помню уже старой женщиной, с неизменно чуть виноватой улыбкой на лице. Думаю, тогда, в пору моей юности, ей было не более шестидесяти, но лицо с сетью морщин, усталая походка, сгорбленная спина – всё это говорило мне о старости.

Родом она была из большой деревенской семьи, сёстры все разъехались, она одна застряла в деревне. Муж был, выпивал, правда. Но какой же мужик не пьёт? – рассуждала баба Настя. Таких, непьющих, вокруг себя она что-то не видала.

Жизнью была довольна вполне. Дом на две половины, за окном сад, родящий исправно яблоки и вишни, огород большущий, палисадник с подсолнухами и мальвой. За околицей лес с грибами, ягодами и орехами.

Дочка обожаемая подалась в город, устроилась на завод – электроламповый, баба Настя важно выговаривала это слово по слогам, стараясь не сбиться. Дочкой и она, и Иван Степанович гордились: выбилась в люди, зарабатывает хорошо, им в колхозе такие деньги и не снились. Правда, от тех заработков матери с отцом редко рублишки перепали, но дело-то молодое, одеться, пофасонить с кавалерами самой Тонечке денежки нужнее. А Иван Степанович всегда подкалымит может, и избу, кому надо, подправит, и такими узорами налични-

ки и ставенки разукрасит, что из города, из музея, приезжают смотреть.

На здоровье баба Настя никогда не жаловалась. Курочек накормит, по дому приберётся, картошку потяпает, Ивану Степановичу закусь на опохмел соберёт, сядет носки да подзоры вязать. Когда ж там жаловаться? Да по деревне это и не к лицу, хворых да нытиков здесь не уважают.

Между тем дочка стала приезжать почаще. Наряды на ней какие! Туфельки на каблучках рюмочкой, на застежке об две пуговицы. Баба Настя первым делом кормила Тонечку до отвала, а то вон какая худющая стала. И всё таблетки какие-то глотает, от кашля, говорит.

– А кашель-то откуда? – как-то спросила баба Настя.

– Откуда-откуда... – фыркнула Тонечка, – вредное производство. Это вы тут, на свежем воздухе лясы точите, а я...

Баба Настя хоть лясы точить не любила, как-то застеснялась замечания дочери, подложила ей медку в чай побольше, сладкое – оно на доброту тянет.

Померла Тонечка в больнице, от туберкулёза, баба Настя, неотлучно дежурившая возле дочери, как раз в деревню отлучилась, посмотреть, не спалил ли Иван Степанович дом по пьянке.

Баба Настя, отголосив, надела чёрный платок и украдкой (власть-то была советская) стала наведываться в церковь. Помянет Тонечку, свечку в песок поставит. Выбиралась и к сёстрам. Сначала чаи гоняли, Дуняша была мастерица ватрушки печь. Потом в магазин шла, сыру колбасного, хлеба белого, карамелек-подушечек... Гостинчик городской Ивану Степановичу и Володюшке. Забрасывала торбу на плечо и на электричку. Та напрямик из Рязани до их станции шла. А потом до деревни пёхом – километров не считая. А если на полуторке подбросят, вообще праздник.

Всю свою любовь баба Настя перенесла на сына. Ох и хорош он был собой! На лицо – кровь с молоком, волосы чернявые, вьющиеся, как гармонику растянет, все девки – его.

И матери всегда поможет. В отца пошёл, рукастый. Вон как крышу худую залатал, Ивану Степановичу так уж не сделать, сдал он в последние годы, закручинился, ноги болят, спина. Да как же ей не болеть, столько-то вкалывая, иному во весь век такой работы не переделать, как он на своих плечах тянул. Вон уж и винцо не нужно стало. О Тонюшке горюет, только о горе своём даже с ней, женой, не говорит, в себе держит.

Уехал в город и Володюшка. Женился. Дочку родили. Баба Настя снова как на крыльях летала. Минутку улучит, когда Иван Степанович в настроении: «Отец, я в город. Может, со мной поедешь?»

– Некогда мне по гостям разъезжать... Сами, поди, явятся, как картоха кончится».

– А и вправду, – смекала баба Настя, – картошки-то захватить поболее надо, своя – не покупная, рассыпчатая...

Впрочем, не с одной картошкой являлась к сыну в семейство. Невестке – носки. Внученьке – конфеты. «Мишка косолапый» называются.

Внучка добрая, сразу конфету бабе протягивает: «Тебе».

– Кушай, милка моя, сама, а я их и так уж наелась, дома... – говорила баба Настя и решала, что в следующий раз, как купит гостинец, обязательно одну конфетину попробует... Вкусная, наверное...

Но минула счастливая пора. Внучка в школу пошла, а Володюшка в деревне объявился, сообщил, что развёлся.

Баба Настя поутру, пока он еще сны видел, в город подалась, к невестке. «Мишек» кулёк купила. Носки опять же взяла.

А невестка с порога: «Мама дорогая, чего ж нам делать, как же без отца дочку растить?!».

– А поедem в деревню, – решила баба Настя, – я вас помирю.

Не помирила. Оказалось, что не просто Володюшка ушёл, а ушёл к другой женщине...

И пошло-поехало. Баба Настя уж и счёт Володюшкиным жёнам не вела. Но со всеми, с оставленными в том числе, отношения поддерживала самые тёплые и носки исправно вязала всем.

– Нет у тебя, Настька, характера, – укоряла её старшая сестра. – Володька на твоей шее сидит, так тебе этого мало, ещё всех его баб привечаешь. С половиной ведь не расписывался. А тебе что ни новое дитя у него, то внученька да внучок.

– Так как же, – кротко отвечала баба Настя, – расписывались-не расписывались, а все на одной подушке спали, а детишки-то и вообще – наша кровинушка. Кто ж их пожалеет...

После смерти Ивана Степановича Володюшка долго запил, потом в одночасье собрался и укатил в город. От людей узнала баба Настя, что подобрала его очередная «любовь».

Но и тут не сложилось. Месяца не прошло, стук в ставень, Володюшка на пороге: «Здравствуй, маманя. Не прогонишь?»

Незаметно, не вдруг, но начала баба Настя чахнуть. Вроде ничего не болит, а сил нет.

– От нервов Настасья Николавна сохнет, – шептались соседки. – Володька-то, слышь, её по дому гоняет да поколачивает, если на четвертинку не дает.

Когда врачи определили, что болезнь неизлечимая, баба Настя поняла это по сочувствующим взглядам сестёр, хотя диагноз ей не сказали. Как выписали из больницы, пожила чуток в городе, но однажды утром, вмиг собравшись, уехала в деревню.

Там и закончила свой век. Володюшка плакал-убивался, а потом продал дом, и больше в деревне его не видели. На могилу к бабе Насте приезжали, пока не состарились, сёстры. Да ещё невестка, та, первая, и внучка, уже взрослая барышня, навевывались каждый год на Пасху. Оставляли цветы и – обязательно – две конфетины «Мишка косолапый».

«ДАМА С СОБАЧКОЙ»

Юлия Сергеевна вынула из сумочки белый халат, в котором ходила на вызовы по участку, удивляя больных, привыкших к иному сервису, положила его в таз с тёплой водой: постирать и подкрахмалить. От дела оторвал телефонный звонок.

– Будьте добры, мне Лену, пожалуйста.

– Вы ошиблись номером.

– Но мне дали этот.

– Кто? – ненужно спросила она.

– Приятель. В Москве. Он просил передать, что не сможет встретить Лену на вокзале.

– Извините, Лены у нас нет.

Она положила трубку, но звонок раздался снова. Тот же голос. «Девушка, ну если Лены нет, то как же номер оказался ваш... Простите. Какую-то ерунду говорю. Наверное, просто перепутали. Но у вас такой милый голос, и вы не бросили сразу трубку, не обругали меня за многословие... А как вас зовут?

– Дама с собачкой, – ответила Юля и отключила телефон.

«Дама с собачкой» – такое прозвище дали ей в школе. Тогда на литературе делились мыслями о творчестве Чехова. Почти все назвали в числе любимых рассказ «Ионыч» – он был из школьной программы, и отвечать было легко. Она, умница и отличница, сказала, что больше всего у Антона Павловича любит «Даму с

собачкой». Любит за то, что там хорошие, добрые люди, которым просто не повезло в жизни.

«Гуров и Анна Сергеевна – хорошие люди? И ты оправдываешь то, что происходит... между ними? – задумчиво уточнила учительница. – Садись. Ответишь в другой раз».

Поставив против Юлиной фамилии жирную точку вместо отметки, она хмыкнула: «Дама с собачкой...»

Ребята подхватили – и привязалось...

Незнакомец оказался настойчивым, звонил всю неделю. Потом сообщил: «Завтра уезжаю. Не погуляете со мной по городу? Напоследок. Вы ведь добрая, не откажите в просьбе».

– Злая, – ответила она и согласилась.

Юлия Сергеевна надела плащ цвета спелой сливы, в тон подкрасила губы, оглядела коротко постриженные ногти и чуть тронула их бледным лаком, распушила выгоревшие за лето волосы, добавила каплю духов, пахнувших ландышем. Гуляли по набережной. Говорили обо всем на свете, но личного, не сговариваясь, не коснулись.

Сентябрь полыхал красным, жёлтым, бордовым. Прощаясь, он взял её руку в свою большую ладонь – еле слышно зазвенели, соприкоснувшись на миг, их обручальные кольца. Склонившись, он поцеловал её тонкие пальцы, на секунду неловко ткнулся в синие жилочки вен у запястья, где ошалело бился пульс.

– Вы не поверите, но я буду вас вспоминать, – сказал, не отводя взгляда.

Она покачала головой: «Не поверю», а душа её ответила: «Верю».

– Я позвоню вам из Москвы, и может быть...

Юлия Сергеевна не захотела услышать продолжение. Она провела рукой по его густым с ранним серебром волосам: «Прощайте». Повернулась и пошла по дорожке, окутанной нежно-сиреневой дымкой. В осеннем воздухе пахло грустью, но почему-то хотелось улыбаться, и щёки горели, как от поцелуев.

ДОМ ОКНАМИ В ЛЕС

Художник Альберт Семёнович Нечаев праздновал день рождения своей супруги Тонечки: дата была не совсем круглая, но, тем не менее, «юбилейная». Собрались всегдашней компанией только близкие друзья. Когда шампанское в очередной раз запенилось в хрустале, Альберт Семёнович хлопнул в ладоши, устанавливая тишину, и произнёс тост: «Я желаю тебе, драгоценная моя половина, ещё долгие годы любить и быть любимой». Он низко склонился над рукой жены, на которой искрилось крошечным бриллиантом обручальное колечко, поцеловал бледно наманикюренные тонкие пальцы и продолжил: «Я хочу подарить тебе... – расстегнул пуговицу тёмно-зелёного с бархатными лацканами пиджака, полез во внутренний карман, что-то отыскивая. Все замерли, ожидая. – Я хочу подарить тебе... дом. Дом в деревне. Окнами в лес. Вот документы. На твоё имя, Тонечка». Гости ахнули и заплодировали, а Тонечкины щёки залил румянец.

– ...А Сашенька так и не прислала телеграмму, – выходя из спальни в зал и на ходу стягивая на талии поясok синего атласного халата, сказала Тонечка.

– Ты же знаешь нашу почту, вечно опаздывает, – тут же встал на защиту дочери Альберт Семёнович.

– Верю-верю, – легко согласилась Тонечка, – она, как и ты, никогда ни о чём не забывает.

– Да, не забывает, наша дочь – само внимание.

– И так же упряма, как ты, Альберт... Пойдем пить чай... на кухню. Здесь так сильно пахнет розами, даже голова разболелась.

– Это от шампанского. А цветов и вправду тебе надарили много.

На кухне гроыхала посудой домработница Клава, приговаривая с досадой: «Нет, вы посмотрите, бутербродов столько осталось, мою кулебяку не доели, а вот пирожки все подчистую смели».

– Так они же фирменные, Тонечкины, – улыбнулся Альберт Семенович.

– А чего в них фирменного?

– Начинка.

– Ну да, к мясу с рисом огурец солёный настрогали – и вся недолга.

– Но вкусно ведь... Два противня разошлось, – подала голос Тонечка и зевнула, прикрываясь ладошкой.

– А неплохой подарок я Тонечке сделал, правда, Клава? – ожидая похвалы, спросил Альберт Семенович.

– Другие рубли в доллары переводят да куда подалее прячут, а вы транжирите, – немедленно отозвалась та, – ну зачем вам дом? Нечаевы в деревне отродясь не жили.

– А мы уедем... прямо завтра и на всё лето до глубокой осени. Альберт Семёнович будет работать, а я... варить варенье... Клава, дайте нам, пожалуйста, варенья к чаю, только свежего.

– У меня оно всё свежее. Вот смотрите сами: на банке наклейка «Варенье этого года».

– Так это вы, Клава, всегда так пишете «этого года». А какого этого? Может, оно позапрошлогоднее.

– Ну и что. Такая привычка, вот и пишу... Звонят, кажется.

Она вернулась с телеграммой. «Я же говорил!» – обрадовался Альберт Семёнович.

«Мамочка, поздравляю! В сорок пять дама ягодка опять...», – вслух начала читать Тонечка и засмеялась.

– Дама ... – хмыкнула Клава. – Хотя... конечно (она оглядела Тонечку с ног до головы), какая вы баба, дама... дама и есть... Ну, чаевничайте, а я пойду к себе.

– Нет-нет, Клава, садитесь с нами, – Альберт Семенович пододвинул ещё один стул к овальному столику, поставил на клетчатую скатерть ещё одну фарфоровую чашку...

К деревне они подъехали, когда красное яблоко заката уже упало за лес. Увидев дом, Тонечка обрадова-

лась, как маленькая девочка, получившая игрушку. Окно в спальне не закрывали допоздна, из леса, приятно будоража, тянуло густым, хвойным ароматом.

Скинув махровый халат и зябко передёрнув плечами, Тонечка прижалась к мужу, блаженно потянувшись: «Знаешь, тут, наверное, грибов много. Надо Сашеньке написать, пусть едет поскорее. Она по ним дока».

– Да, заядлая грибница. Не то что мы с тобой... Хотелось бы завтра пораньше выйти на этюды, да надо сходить в правление... Тебе не холодно? Может, прикрыть окошко?

– Не надо, – сонно отозвалась Тонечка, – воздух такой, будто заново родился. А к председателю схожу я.

Председателя по случаю воскресного дня она застала дома за ремонтом мотоцикла, который то тарахтел, как оглашенный, то, будто по команде, замолкал.

– Здравствуйте, мне тут справочку заверить, муж говорит, это к вам. Мы тут новенькие, дом купили – крайний от леса.

– Здравствуйте-здоровствуйте, – вслушиваясь в мотор, отозвался председатель.

Заглушив его, повернулся к Тонечке. Та, отчего-то смутившись под его пристальным взглядом, никак не могла выудить справку из кармана тесных джинсов.

– Может, в сумочке? – подсказал председатель.

– Да нет... вот она.

Разгладив на ладони нужную бумажку, она протянула её мужчине: «Давайте знакомиться. Меня зовут...»

– А мы знакомы, – негромко сказал председатель, – не узнала, Тонюшка? Он сдернул с головы серую кепку, рыжие волосы огненным пламенем полыхнули на полуденном солнце.

– Саша... – с трудом перевела дыхание Тонечка.

Родом они были из одной деревни – жили через улицу. В девятом классе приглядели друг друга. Потом вместе уехали в город, поступили учиться: он – в сельскохозяйственный, она – в педагогический. Сашка жил

в общежитии, она снимала комнатку в деревянном домишке у старушки Марьи Федотовны, которая пустила её за мизерную плату – для компании. Саша часто бывал там на правах жениха. Но как только часы в комнате хозяйки отбивали десять, та деликатно стучала в дверь Тонечкиной комнаты, переступала порог и говорила неизменно одно и то же: «Невесте спать пора», и Саша уходил.

Традиция была нарушена лишь однажды, и вот как. Они пили чай вприкуску с фруктовой карамелью. Пробило десять, потом ещё полчаса.

– А где же Марья Федотовна? – удивился Саша.

– Уехала к сестре, сказала, что ночевать не вернётся, – с напускной небрежностью сказала Тонечка.

Проснулись они на одной подушке. На утренней зорьке Тонечка потянулась горячими губами к ямочке на Сашинем подбородке, тот ответил поцелуем, зашептал на ушко: «Ты мне теперь, Тонюшка, жена, а я тебе муж... Вернусь из стройотряда, распишемся, а свадьбу в деревне сыграем...»

– Приданого-то за мной немного, – пошутила Тонечка, приглаживая его рыжие вихры.

Он поймал её руку, неловко ткнулся носом: «Дороже тебя у меня никого нет».

Саша уехал днем позже, а она вслед за ним – в деревню, готовиться к свадьбе.

... – Мама, это я! Соскучилась! – закричала Тонечка, бросая в сенцах сумку, полную гостинцев.

– Тише, дочка... постояльца разбудишь.

– Какого постояльца?

– Художник у нас живет, из города, Альберт Семенович, природу приехал рисовать.

– ...Тонечка, дружочек, у вас такое лицо, само на холст просится... Давайте я вас нарисую... вот хоть в этом березнячке, – уговаривал её Альберт Семенович, когда, искупавшись, они возвращались с речки.

Посреди недели он свозил её в город, показал свою мастерскую, потом поехали на вернисаж, где тоже были его картины и где какие-то нарумяненные дамы в шляпках наперебой их хвалили.

– ...Ох, Тонька, не играй с огнём! Ты что, не видишь, постоялец наш по тебе сохнет, – укорила её мать, – а ты чего такая бледная?

– Голова что-то кружится.

– Не ела, поди, ничего с утра, всё модничаешь, фигуру бережешь.

Постучав, в комнату вошёл Альберт Семёнович.

– Что-то вы рано из города вернулись, – заметила Анастасия Николаевна.

– Да вот вернулся... Это вам, милейшая Анастасия Николаевна, и не отказывайтесь, ради Бога, – он протянул коробку конфет, перевязанную розовой ленточкой, – а это, Тонечка, розы для вас, ваши любимые, чайные... А о чём это вы тут шептались, если не секрет?

– Да вот мама говорит, что вы по мне сохнете, – неожиданно для себя выпалила Тонечка.

– Сохну, ах как сохну, Тонечка! – спокойно отозвался Альберт Семёнович. – Лучше девушки я никогда не встречал. Вы как фея из сказки, залетевшая в наш земной мир.

Примяв домотканый половичок, он картинно опустил на одно колено: «Воля ваша, Тонечка: казнить или миловать».

...Альберту Семеновичу удалось устроить так, что в городе их расписали через неделю, без испытательного срока. Свадьбу праздновали в ресторане. Пара была удивительно хороша: Альберт Семенович – черноволосый, в строгом тёмном костюме, с чайной розой в петлице, и Тонечка, с такой же розой в глубоком вырезе крепдешинового платья, с русой косой, уложенной короной, в длинной, до пола, воздушной фате. Гости шептались только, что жених на пятнадцать лет старше

невесты, но сошлись на том, что от Альберта как раз и можно было ожидать столь экстравагантного поступка.

Хотя оставался только год до выпуска, в институт Тонечка не вернулась, сначала, правда, хотела перевестись на заочное, но время ушло, а она так и оставалась просто женой – женой художника.

Тонечка опомнилась первой.

– Что же в дом не зовёшь? – спросила с вызовом.

– Почему не зову? Пойдём... – пригласил председатель.

– Вот... землячка моя, Антонина... Степановна. Дом у нас купили, жить, значит, рядом будут... А это Вера Петровна, жена моя. Ну, время обеденное, собирай на стол, Вера.

После борща и жареных грибов («Грибочки кушайте без опаски, их Александр Иванович сам собирал, а он плохих не возьмёт, такого второго грибника не сыщешь», – объясняла Вера Петровна), появились пирожки. Тонечка откусила, пожевала, заметила машинально: «А я в начинку огурчиков солёных немного добавляю».

– Так мама твоя делала, – откликнулся председатель. – Жива?

– И папа жив. У брата моего младшего в Москве живёт.

– У Веньки? Это который мои записочки тебе таскал, – улыбнулся председатель, не заметив, что сказал лишнее.

– А у вас детки есть? – поспешно вмешалась в разговор Вера Петровна. – Наши парнишки оба в школе учатся.

– У меня дочка, закончила филфак, работает в Вениной фирме переводчицей.

– Карточки-то дочкой нет у вас с собой?

– Нет, – чуть помедлив, ответила Тонечка.

И схитрила. Фотография Сашеньки была всегда у неё с собой в сумочке, аккуратно вложенная в кожаную

записную книжечку. С цветного снимка, сделанного, помнится, где-то на юге, смотрело хорошенькое личико с ямочкой на подбородке и ярко-рыжими длиной до плеч волосами.

Нечаевы не прожили в деревне и недели: у Тонечки от свежего воздуха каждый день разыгрывалась мигрень, да и близость леса отчего-то перестала радовать. Дом простоял заколоченным всю зиму. Весной его купили новые хозяева.

ЕЩЁ НЕ ВЕЧЕР

«Так, упаковка котлет, пельмени, сгущёнка, что ещё нужно... – он вздохнул. – Нужно многое, но, увы, финансы поют романсы, и опять придётся признать у милейшей Августы Филипповны».

А ведь было время, денег он не считал. Тогда Игорь Романович работал коммерческим директором в уважаемой фирме под названием «Фея». И хотя в его руках не было волшебной палочки, вознаграждение за труд измерялось астрономической, на взгляд средне-статистического гражданина, цифрой. Он, Екатерина и Вадька блаженствовали на белом свете. На Новый год он подарил Кате очередную шубку из дымчатой норки и перстень: крохотные бриллиантики в платиновой оправе сливались в невообразимо чудесную бабочку, казалось, сияющее чудо вспорхнет и улетит.

В июне, когда расплывающиеся пятна сирени уже изрядно намозолили глаза уставшим от дождей горожанам, Катя запросилась на море.

– Месяцем позже, пожалуйста, – сказал шеф, за глаза прозываемый Мухомором Поганковичем, и наглая весёлость засквозила в его взгляде. – Сначала, Игорь, отгуляю я. Так, а не иначе.

И Катерина поехала одна.

...Был вечер, они сидели, не зажигая огня, по чёрному стеклу гуляли серебряные капли дождя. Вадька

смотрел мультики в детской. Игорь с женой устроились возле камина на мягком белом ковре.

– Игорь, нам надо поговорить, – сказала Катя.

– Мне так тоже кажется... Но сначала... Смотри... – он протянул ей жемчужное ожерелье.

– Жемчуг... Его уже не носят...

– Ну, тогда говори, слушаю...

– Это так просто не объяснишь.

– Тогда объясни сложно. Брось, Кать... Наверное, хочешь выдать тайну своего отпускного романа. Кто ж принимает это всерьёз... И вообще, Катюш...

– Я... давно встречаюсь с Дмитрием.

– С Мухомором Поганковичем?

– И в этот раз мы отдыхали вместе. Прости...

– Но он же...

– Амбициозен и честолюбив. Что с того?

После развода Вадька остался с Игорем. Забирать дитя, идущее, в первый класс, а значит, заведомо проблемное дитя, не входило в Катины планы, чему Игорь был несказанно рад. Чтобы целый день быть рядом с сыном, Игорь устроился в школу – учителем информатики, благо знал компьютер на отлично. После уроков Вадя приходил в его кабинет и тихонько сидел, пока старшеклассники упражнялись в составлении программ. За житейскими хлопотами Игорь как-то раздружился со старыми знакомыми. А новые... Его окружали сплошь женщины. Особенно старалась понравиться директриса – худая женщина с немодно взбитой прической и медоточивой улыбкой. Казалось, она так долго репетировала эту улыбку, что в конце концов та накрепко прикипела к её лицу с бледными неподкрашенными губами.

Но он выбрал француженку Диану Львовну. Неизвинительно безумные отношения приносили некоторую радость.

– Как ты смотришь на то, что Диана Львовна переедет к нам? – спросил он сына.

– Нормально... – чуточку подумав, ответил Вадька.

– Итак, решено? Школьный союз перерастает в домашний? – Игорь перехватил Диану возле учительской.

– Перерастает... – засмущалась та.

– Это надо отметить... Я угощу тебя невообразимым напитком.

– Жду, жду...

Сахар, ром, спичка... Заиграло пламя, сначала нежно-голубое, потом оно дрожаще рассыпалось и окрасилось в оранжевый цвет.

– Вкусно?

– Божественно... – Диана чуть приметно поморщилась. – Горячо... Я уверена, Игорь, мы будем счастливы. Ты, конечно, уйдёшь из школы. Опять найдёшь прибыльное место, с твоими талантами это не проблема. А Вадя... Вадю мы отправим к моей маме. Ему полезен деревенский воздух, и школа там неплохая... Ну, что? Уже поздно. Пора баиньки. Пойдём в спальню?..

– Я так понимаю, что Диана Львовна к нам больше не придёт? – по-взрослому спросил как-то Вадька. – И в школе она больше не улыбается мне.

– Не придёт, Вадь... Но всё образуется. Как говорится, ещё не вечер. Меня пригласили в другую школу – новостройку. Правда, ехать минут двадцать, но дают информатику и математику. Так что на мороженое заработаем...

– Здорово, – одобрил Вадька.

ЖИЛИ-БЫЛИ КОРОЛЬ С КОРОЛЕВОЙ

Нет, нет и нет, за эту роль она не возьмётся. Надоело играть стервозных дамочек в капитанских погонах, расследующих бесчисленные убийства. И вообще всё надоело. Крепкий кофе без сахара, хлеб с отрубями. Не радовал неправдоподобно внимательный муж с его вечными командировками и ночными звонками. И даже дочь – умилительное обаяние шестнадцати лет от роду

(точная копия мамы – как говорили знакомые) порой раздражала своим юным, не знающим косметики лицом. Полная ненужность и одиночество в лоне добропорядочной семьи. Чего ей не хватает?

И опять кстати-некстати вспомнился Димка. Её папа был военным, и родители подолгу не задерживались на одном месте. Арину воспитывала бабушка на привольном деревенском воздухе и парном молоке. А Димка... С Димкой они сидели за одной партой. Вечерами любили читать сказки, особенно одну: «Жили-были король с королевой...» Они легко представляли себя повелителями целого царства, когда уходили за околицу. И никогда не возвращались без букета ромашек – это были любимые Аришины цветы.

Когда Димка уходил в армию, Ариша собралась уезжать в город – поступать в театральную студию. Они молча стояли у почты в ожидании рейсового автобуса.

«Влюблён... влюблён, – ликовала Арина, перехватывая Димкин взгляд. – Милый Димка... но рядом с ним она вряд ли завоюет какое-нибудь королевство».

Сделать рискованное, опрометчивое, бесшабашное подмывало её всякий раз, когда нападала вот такая хандра. Димка обосновался после армии в городе. Больше она о нём ничего не знала. Но номер его телефона дадут в справочной. Твёрдо решила: увидеть его во что бы то ни стало. Она не сомневалась: он по-прежнему влюблённо предан ей.

Деревня, где когда-то они жили, уже вписалась в черту города, маленькие домишки снесли. Деревенскую школу экспроприировал какой-то новый русский, превратив её в свой офис с фонтанчиком у входа.

Она позвонила ему с вокзала.

– Алло! – ответил знакомый голос.

– Здравствуй, это я, – сказала она.

– Арина... – узнал он сразу и будто не удивился.

– Я в гостинице. Номер двести третий.

– Буду.

Сердце тревожно застучало, когда дверь открылась. Димку она не узнала. Тот паренёк из детства был коренаст и нескладен и ходил в неизменных клетчатых рубашках. Этот мужчина был подтянут, безупречно сидящий тёмно-синий костюм дополняла рубашка бледно-песочного цвета.

– Чем занимаешься? – спросила она, когда он откупорил бутылку марочного вина.

– Строю, – лаконично ответил он и скользнул взглядом по её лицу. – Все тип-топ. Только жена в обиде: вечные командировки, ты меня сегодня чудом застала. Скучно ей одной. Сын служит в Приморье на «точке». Старший лейтенант. Пока что.

– А у меня дочка.

– Знаю, я читал твоё интервью.

Прошло минут сорок, а разговор не клеился. Паузы становились всё длиннее.

– А помнишь, – спросила она, – как нас дразнили женихом и невестой?

– Помню, – ответил он и опять скользнул взглядом по её лицу.

Когда Дмитрий украдкой посмотрел на часы, Арина вмиг перечеркнула свои планы, сказав: «А ты знаешь, я проездом, через час уезжаю. Надо только билет взять».

– Это не проблема, – ответил он. Попиликал соловым: «Виктор Петрович, быстро на вокзал, один билет на Москву, на сегодня, да, на 22.30, первый класс. Привези в гостиницу, номер 203, нет, не я еду, дама... Что? А это ты уж уладь, будь добр, самостоятельно... да... и передай Зиночке... – Дмитрий отошёл к окну и понизил голос.

«Зиночке? – встрепенулась Арина. – Видимо, жена...» И, не дослушав, она вышла в ванную «попудрить носик».

...Он стоял рядом с ней на перроне и нетерпеливо посматривал на часы.

«Влюблён? Ничуть не бывало», – от этой мысли ей стало зябко, хотя лисья шубка грела, как печка.

Еще десять, нет, уже пять минут, и они расстанутся. Она провела ладонью по его щеке. Он поцеловал ей руку, задев тонкое колечко...

Последний вагон исчез в январской ночи. Вот и распрощался он со своей королевой – единственной и неповторимой. А может, надо было... Нет, не надо. У неё растёт Юлька, у него Максим. Мечты не возвращаются, хотя память о них остается на всю жизнь.

– Дмитрий Павлович, – по перрону, скользя по подтаявшему снегу, бежала Зиночка-секретарша: – Дмитрий Павлович! Я не опоздала? Вот цветы. Объездила все магазины. Розы – пожалуйста. Хризантем завались. А ромашек нет... Еле нашла.

ЗА СИНИЕ ГОРЫ, ЗА БЕЛЫЙ ТУМАН

До Ленинграда Андрей Юрьевич ехал в купе один, заходила только проводница, принесла горячего чая, на удивление ароматного, он в ответ угостил её пирожками с картошкой – фирменным блюдом жены, испечённым в дороге. В городе на Неве (Андрей Юрьевич там учился в мореходке, считал второй родиной и упорно отказывался называть по-новому – Петербургом) объявился попутчик. Войдя, он бодренько приложил руку к фуражке: «Здравия желаю, товарищ капитан второго ранга».

– Взаимно, старлей, – не по-уставному ответил Андрей Юрьевич и, посмотрев в окно, спросил: «Это не тебя провожают? Такой ливень, а девушка мокнет, не уходит».

За чаем они разговорились. Оказалось, что Максим (так звали старшего лейтенанта) служит в той самой «точке», где начинал когда-то Андрей Юрьевич.

– Какие проблемы? – спросил он, сразу же припомнив (воспоминание за давностью лет было прият-

ным) узкие, мощённые камнем улочки военного городка, долгую дорогу к пирсу, бесконечные сопки в черничных летних россыпях, зимой сверкавшие снежным покрывалом, графитово-чёрный залив.

– Проблемы? – старлей отщёлкнул застёжку массивной дорожной сумки, вынул «пузырь» с коньяком, щедро плеснул, забыв предложить попутчику, в остывший чай: – Проблема одна. Жена.

– Это она была на перроне?

Максим кивнул и, чуть помедлив, достал бумажник, выложил на стол, отодвинув в сторону блюдце с лимоном, фотографию.

– Вот она, жена, но... наверное... бывшая.

– Отчего же так?

– Была без радости любовь, разлука будет...

– Нет, ты подожди с разлукой. Любовь-то была?

– Была, а может, и осталась, черт её разберет... ревную я свою половину... к каждому столбу, – он рубанул рукой воздух и осёкся, удивившись собственной откровенности.

– Давала поводы для ревности?

– Нет... но... – он вновь глотнул из стакана мешанину тёмно-янтарной жидкости, придвинул ближе к Андрею Юрьевичу фото, – вы посмотрите: она красавица, а я... обыкновенный.

– Некоторые красавицы любят обыкновенных, – в раздумье произнес Андрей Юрьевич.

– Напрасно вы так думаете, мне и мать говорит, как в отпуск приеду: «Пока ты, сынка, в море гробишься, как монах, по полгода, твоя Наталья...» Э! Да что тут раздумывать, всё сходится: как лето подходит, она дочку в охапку и на побывку к родителям, а там кто уследит, гуляй – не хочу.

– Тебе, по-моему, довольно, – Андрей Юрьевич потянулся через стол, убрал коньяк. – Давай, Максим, по-честному. Море ты себе сам выбрал – на беду, на радость ли, не знаю, и не надо этим бахвалиться, не пере-

бывай, старлей, не перебивай... говорю, не надо бахвалиться... морская профессия не лучше и не хуже любой другой... Мать слушать нужно. Но головой своей, слышишь, своей думать тоже не возбраняется, более того, рекомендуется. Эх, дурак ты, дурак... Ну, чего насупился? На «дурака» обиделся? Нет? Ну и лады. Вот и подумай: сам же рассказывал: дочка твоя – дитя северное, здоровьем слабенькая, как же с ней твоей Наташе из нашей холодрыги на солнце не рваться, витаминами не попитать... Хотя, если уж пошло у нас с тобой на откровенность, не мне бы тебе мораль читать. Я ведь тоже в молодости обещал невесте увезти её за синие горы, за белый туман... А привёз жену в задрипанный посёлок, где ни работы не сыскать, ни общения, а когда через годок она перестала бросаться мне на шею, встречая с дежурства, решил: всё, разлюбила. И чуть жену не потерял. А начиналось всё тоже с ревности. Не охотник я распахивать душу, но, может, моя история тебе поможет. Слушай, коли охота есть. Представь себе...

Он начал рассказывать, и Максим будто воочию увидел двадцатилетнюю молодую женщину, худенькую, длинноногую, с тёмными пышными волосами, расчёсанными на прямой пробор, с лучистыми зелёными глазами и милой улыбкой пухлых губ, не тронутых помадой..

Жизнь в Заполярье Гале нравилась. Правда, обещанные женихом синие горы оказались на поверку серыми сопками, а пелена тумана – в каплях дождя. Но зато она увидела такую красоту: во-первых, белые ночи, нет, не так: сначала было северное сияние, потом пришли белые ночи. И рядом Андрей, милый, милый и самый родной. Шепнет ей: «Галинка-былинка», улыбнется бездонно синими глазами, и купается она в медовой радости. Правда, теперь уже нечасто так бывает. А началось все с приходом в их дом нового сослуживца мужа – Владислава Владиславовича, переведённого в экипаж с Балтики...

Как-то в выходные они втроём засиделись дольше обычного. Владислав Владиславович («для вас, Галечка, я просто Влад») сыпал, как обычно, комплиментами, которым она, впрочем, не придавала никакого значения. Уже откланиваясь и склонившись к её руке – не пожать, а поцеловать, Владислав Владиславович вдруг заметил: «Вы, конечно, знаете, Галечка, что удались красавицей. Вам всё к лицу... Кроме вот этого, – он дотронулся до её обручального кольца, – это вам не идёт».

– Вы говорите чепуху, – сказала она, покраснев, а Андрей тут же предложил выйти «покурить». Но как мужчины выяснили отношения, она так и не узнала: Андрей не говорил, она не спрашивала.

Знакомство, казалось, прервалось, но, видно, и в узком жизненном пространстве заштатного военного городка худой мир лучше доброй ссоры, и скоро капитан-лейтенант стал вновь бывать у них. Но Андрея словно подменили: он стал не в меру вспыльчив, ревнив, сам норовил нарваться на ссору. Как-то в упор спросил: «Куда ушла наша любовь, Галя?» Она хотела возразить, но обида пересилила, и слёзы полились сами собой.

Потом вечерами Андрей зачастил к своему приятелю Михаилу, а Галя сидела одна в крохотной квартирке и перебирала старые фотографии...

Но в конце июня муж уехал в Североморск – в служебную командировку, а когда вернулся, повеселел и вновь стал называть её Галинкой-былинкой.

Северное лето шло к своей середине, когда однажды утром Галя решила затеять очередную большую стирку, благо скупое солнце вышло-таки на бледное небо.

– Подкину тебе ещё работку, – в кухню, отгороженную от комнаты ситцевой занавеской, заглянул Андрей, стягивая с себя кремовую рубашку.

– Ты разве ещё не ушёл?

– Бегу-бегу, – он чмокнул её в щеку и посмотрел странно пристально.

Дверь хлопнула, и только тут Галя спохватилась, что так и не раскрыла мужу долгожданный секрет: кажется, у них будет малыш. Теперь придется ждать до вечера.

Она унеслась мечтой в будущее материнство (интересно, кто родится: дочка или сын). Потом, когда вода в тазу закипела на электрической плитке, осторожно переставила его на табурет, добавила холодной воды, насыпала порошка... Наконец, под руку попалась сброшенная мужем рубашка, она взяла её, оглядела: «И зачем Андрейка её снял? Почти чистая...» И вдруг что-то нащупала в кармане. Отстегнула пуговку. «Что-то» оказалось плотным листом бумаги. Почерк незнакомый, витиевато-летающий: «Дорогой Андрей, ты стал мне самым родным, и я всё время вспоминаю нашу встречу, и как нам было хорошо вдвоём. Жаль, что твоя командировка была такой короткой. Сообщи, когда ещё приедешь. Жду. Целую. Твоя Оля».

...Она просидела у открытого окна до вечера, не заметив, что похолодало. А когда раздалась трель звонка: «дзинь-дзинь-дзинь, дзинь!» (так звонил только Андрей), она открыла мужу дверь и пропустила его в коридор, где на виду одиноко сушилась выстиранная рубашка...

«Надеюсь, ты найдёшь, где переночевать», – сказала она, повернулась и ушла в комнату, ничего не объясняя.

– Как я корил себя за этот поступок! – Андрей Юрьевич смял в кулаке так и не зажженную папиросу, – ведь знал, чувствовал, глупо поступаю!

– Изменить жене – глупо? То есть всего лишь глупо? – лицо Максима выразило непонимание.

– Так ты, старлей, решил, что я и вправду совершил подлость, изменил Гале?

– Вы же сами сказали: Галя видела Олино письмо!

– Не было никакой Оли. Письмо написал мой приятель Мишка, а я его «подкинул» нарочно в свою ру-

башку. Вдвоём с ним этот номер удумали. Чтоб, как он говорил, подстегнуть Галины чувства, в них ведь, если помнишь, я начал сомневаться. И подстегнули...

Всю ночь мы обсуждали ситуацию с Мишкой. Наутро я не выдержал, побежал домой, но Галя уехала первым катером – так сказали мне на причале. Не буду рассказывать, как я выпросил отпуск. Мишка помчался со мной. Я винулся, называл себя дураком и негодяем. Мишка исписывал страницу за страницей, доказывая, что в записке его почерк.

– А Галя?

– Галя слушала, но молчала. И обращалась со мной, как с посторонним, случайно встреченным человеком. Так мне, конечно, и надо было.

– Не простила?

– Добрая она у меня. И умная. Умная и красивая – говорят, это редкое сочетание. Вот смотри, Андрей Юрьевич вынул из форменки цветное фото, – снимались мы прошлым летом, на даче: это мы с Галинкой – у мангала, там, у яблони, дочка Ирина, а клубнику лопает внук Николушка. Дед я уже, а Галинка-былинка – бабушка. Вот так, старлей!

ЗОЛУШКА

Пётр Аверьянович был вдовцом, отчего женщины определённого возраста испытывали к нему несомненный интерес. Несмотря на свои семьдесят лет, он выглядел подтянутым и даже дома элегантно затягивал узел галстука. В прохладную погоду поддевал под пиджак жилет, связанный ещё женой. Пётр Аверьянович был один как перст. Дочери вышли замуж за военных и жили семьями – одна в Североморске, другая в Пскове.

Пётр Аверьянович виделся с ними в последний раз на похоронах жены. С тех пор они неизменно поздравляли его трижды в год: в день рождения, на 23 февраля и на Новый год, вкладывая в конверт с открыт-

кой коротенькое письмецо. Пётр Аверьянович аккуратно складывал послания и на досуге перечитывал: внук Рома окончил восьмой класс на «4» и «5», внучка Соня занимается бальными танцами...

Иногда Пётр Аверьянович прибалывал, и тогда Валя, соседка с третьего этажа, приносила ему творог, молоко и хлеб. Но как бы он себя ни чувствовал, как бы ни скакало давление и ни ломило в висках, каждое утро Пётр Аверьянович доставал леечку, наполнял её отстоянной в тазу водой и шёл к своим цветам. Он помнил, как появился в их доме первый цветок. Весенним ясным днем, когда по асфальту била капель, они с женой увидели в витрине чудо: из тёмно-коричневого клубня поднимались изящные, в серебристо-зелёных узорах листья. Тонкие стебельки венчали грациозные цветы нежно-розового окраса.

Вслед за цикламеном в доме прописались фиалки, гербера, гloxиния, лимон... Но больше всего любили они Золушку. Случилось так: им дали отросток, невзрачный и колючий. Он долго сидел в земле тёмным диссонансом ярко цветущей герани. И вдруг пошел в рост, а в мае на нём засияла хрустально-белая розочка. С тех пор Золушка, как они её окрестили, с неизменным постоянством расцветала весной, отмечая дни рождения хозяйки.

Иногда Петру Аверьяновичу остро хотелось увидеться с родными душами, и он садился за письма. Но всегда его намеки: «соскучился, одолевает тоска...» просто не замечались дочерьми и зятями. Осенью Петра Аверьяновича особенно рьяно одолели хвори. Соседка Валя как-то обмолвилась: «Вам бы найти какую-нибудь женщину, – и тут же заторопилась объяснить: – Приличную... Чтобы помогала». Валя и свела его в конце концов с Марией Андреевной. Посидели, попили чайку.

Мария Андреевна готовила еду. Стирала. Наводила порядок. Спала она на кушетке в проходной комнате.

И когда Пётр Аверьянович удалялся «к себе», деликатно притворяла дверь. Вместе они смотрели телевизор. Пётр Аверьянович рассказывал о цветах, и Мария Андреевна охала: «Надо же столько знать». Иногда по вечерам они выходили гулять вокруг дома.

– Вот и Пётр Аверьянович нашёл себе пару, – говорили на лавочке у подъезда, – а то как же одному на старости лет, если детки выросли, не приведи Господи, какие чёрствые. А уж как Анна Павловна – царствие ей небесное – его лелеяла...

– Эта тоже старательная.

– Старательная...

– А всё не один.

На том и сходились.

В апреле Петру Аверьяновичу стало совсем плохо, приехала «скорая», сделали кардиограмму и отвезли в больницу.

– Как там цветы? – спрашивал он, когда Мария Андреевна приходила его навещать.

– Нормально.

– А на Золушке бутонов нет?

– Нету.

– Странно...

Выписали его в первых числах мая. Договорились, что Мария Андреевна приедет за ним к трём. Но уже в полдень все формальности были окончены, и Пётр Аверьянович вызвал такси. «Сделаю сюрприз», – подумал он. Открыл дверь своим ключом и сразу поспешил в свою комнату. Солнце заливало её теплыми лучами. Но на подоконнике не было цветов. На их месте в деревянном ящике зеленела, подрастая, рассада. Петр Аверьянович побрёл на кухню: там на теневой стороне, тесня друг друга, стояли его любимцы и среди них, затиснутая в тёмный уголок, Золушка.

«Погибла», – с унылым страхом подумал он. Но пригляделся и понял: есть ещё один зелёный росточек, слабый, но зелёный. Скорее полить, взрыхлить землю...

– Ты уже здесь? – удивилась Мария Андреевна, входя с улицы. – Посмотри, какие перцы у меня вымахали, не успеем оглянуться, как в парник нужно будет пересаживать.

Она тараторила и тараторила про дачу, про краснеющие помидоры, про огурцы в пупырышках, которых родится так много, что все вокруг обзавидовались, про ядрёный чеснок... Пока не натолкнулась на жёсткий взгляд Петра Аверьяновича.

Он ушёл к себе в комнату, пока Мария Андреевна собирала свои вещи. Потом приехал её сын, и они вместе заглянули к нему. «Рассаду заберём», – сказала Мария Андреевна и добавила: – Себе же хуже, Петр, делаешь... Как один-то будешь?»

Пётр Аверьянович ничего не ответил. Он лежал на диване и смотрел на фотографию жены в рамочке на письменном столе... А в конце мая расцвела Золушка. Бутоны распустились на том самом уцелевшем отростке.

КВАКА-ЗАДАВАКА

Дождь перестал, но с листьев ещё капало. Лидия Васильевна сложила зонтик, сунула его в пакет поверх покупок. Есть же счастливые люди, бегут себе с работы с одной сумочкой на плече, а тут в двух руках – три пакета, и все битком. В обед успеваешь выпить только чашку зеленого чая для поднятия тонуса, закусить мармеладинкой... И вперед – магазины, рынок, далее везде.

Лидия Васильевна прислушалась: вроде бы рядом тормозит машина. Нет, показалось. Увы, вчерашнее не повторится сегодня.

А вчера, когда она томилась на остановке в ожидании неуловимого «семнадцатого», подкатило авто, плавно приоткрылась дверца. «Подброшу?» – спросил водитель. Лидия Васильевна пригляделась, близоруко сощурясь: ба, да машина-то Нинкиного шефа Бориса Ивановича, и сам он, собственной персоной, за рулём.

Пока они ехали, Лидия Васильевна отчего-то разоткровенничалась: какие у неё несамостоятельные дети, хотя сыну за тридцать, а дочери двадцать пять и у них свои семьи. Привыкли, что мать всё купит: от апельсинов до спичек, а вечером приедут – загрузят сумки, и «мамочка, спасибо, ты у нас золото, до свидания».

– А мой Ромка на Севере, подводником, – сказал Борис Иванович, – женился поздно, внучке Верочке годик исполнился. Вот выйдет в отставку, к себе перетяну, квартира трёхкомнатная, для меня одного многовато.

Дома Лидия Васильевна, не снимая босоножек, прошла к телефону.

– Нин, представляешь, я домой на машине приехала. Что? Ну да, мужчина. Но ты знаешь, кто? Угадай... Ладно, скажу. Ты сидишь или стоишь? Лучше сядь. Борис Иванович. Какой-какой? Твой шеф.

– С чего бы он это? – озадаченно спросила трубка Нининым голосом.

Через полчаса – Лидия Васильевна как раз вышла из-под душа и крутила чёлку на бигуди – позвонила Нина.

– Лид... он к тебе подкатывается.

– Кто?

– Борис Иванович. Точно-точно. Я всё поняла. Клеится. Да ладно тебе к словам придирааться, все так говорят... ну приударяет, увлекает... если тебе так больше нравится. В общем, Лида, ты должна ему показать, что поняла намек. Не знаешь как? А ты попробуй, как Румянцева в «Неподдающихся». Да нет, это, конечно, шутка. В общем, так... Я срочно беру отпуск на две недели, а ты, как всегда, сядешь за меня.

Луна кокетливо выглядывала из-за облаков, а Лидии Васильевне не спалось. Нет, не обращал на неё никакого внимания Борис Иванович. А уж как она старалась: кофе с лимоном, чай с земляникой. Салатом его угощала как-то вечером, когда он заглянул в приёмную совсем вымотанный – капустным, с рубиновыми каплями ледя-

ной клюквы, приправленным аппетитными кольцами сладкого южного лука. Она сшила себе новое платье цвета вербы с оттенком тусклого аметиста, неброское, но покроей благородный и просвечивает лишь слегка.

Тополиным пухом пролетели две недели. В последний рабочий вечер Лидия Васильевна вошла к Борису Ивановичу с видом надутым, торжественным и вызывающим одновременно, в ярко-зелёном плиссированном костюме. Тускло улыбнулась: «С завтрашнего дня в приёмной будет дежурить Нина».

– До свидания, – сказал Борис Иванович и пробурчал что-то невнятное. Что-то похожее на «квака-задавака», или ей послышалось? Зелёным пятном скользнув к двери, Лидия Васильевна лихо притопнула каблуками.

Лето стёрло обиду. Она переключилась на хозяйственные дела. Мариновала грибы, солила помидоры и огурцы, варила повидло. В тот день Лидия Васильевна, как всегда, нагруженная сверх меры, возвращалась с рынка.

– Помочь?

Она обернулась: Борис Иванович в чёрном фасонистом костюме приятно улыбался.

А она-то, она... в старом сарафане, в шлёпках – лицо залила краска.

– Я на машине, вмиг домчим ваши припасы. Вы как огурцы солите, эстрагон кладёте?

Без суеты они расписались в районном ЗАГСе. С тех пор прошло десять лет. Оба уже на пенсии. Борис Иванович любит посидеть на кухне с газетой, попивая кофе из большой чашки. В еде он неприхотлив, только капусту не переносит ни в варёном, ни в свежем виде. Как-то Лидия Васильевна спросила мужа, почему он подвез её в тот, первый вечер?

– Жалко стало, уж очень большие сумки ты тащила.

– А я думала, Боря, ты просто-напросто влюбился.

– Влюбился... Ах ты, Лида-Лидочка, драгоценная моя квака-задавака.

КОФЕ ПО-ВЕНСКИ

Ирина Сергеевна поймала благодарный взгляд сына, и щеки её по-молодому залил румянец: угодила.

– Не подкачай, мамуль, – сказал вчера её Лешка.

– Уж для твоей Лизоньки расстараясь, – улыбунулась Ирина Сергеевна и хотела погладить сына по коротким волосам, но не стала этого делать, вовремя вспомнив, что тот не любит проявления «детства».

Вообще-то они прекрасно ладили втроём, и лишь иногда, в критических ситуациях, конфликт отцов и детей, о котором так любят рассуждать психологи, давал о себе знать. Ну, например, когда он познакомил их с Лизонькой. Он так и сказал: «Мам, пап, это Лизонька».

Лизонька... Ирина Сергеевна скептически оглядела девчонку с косо срезанной – по моде, чёлкой, отметила наманикюренные пальчики, усмехнулась в душе: «Посмотрим, как эта Лизонька полы будет мыть со своими ненаглядными ноготками. Лиза, Лиза, Лизавета...»

А вот Михаил Константинович появлению Лизоньки явно обрадовался.

– С внучатами хочется повозиться, – признался он жене.

В общем, Лизонька вошла в их дом и не раз оставалась к обеду. Сын накануне обязательно просил приготовить «что-нибудь вкусенькое».

– А на десерт... – Ирина Сергеевна внесла на подносе четыре чашечки тонкого фарфора, и по комнате поплыл бодрящий аромат.

– Напиток из четырех букв, – подсказал Михаил Константинович.

– С настоящими сливками, – подхватила Лизонька.

– Кофе по-венски – это, мам, твой коронный номер, – похвалил сын.

И все в молчании стали, как писали в старинных книгах, вкушать напиток.

«Господи, хорошо жить на свете, – подумала Ирина Сергеевна и растроганно обвела взглядом свою семью. – И Лизонька неплохо смотрится рядом с Лёшкой, если по-честному, красивая пара».

– Ну что, братцы, – бодро сказала она вслух, – скоро на дачу. Засучим рукава, рассада – вон она, все окна закрыла.

– Ну да, на дачу, вернее, на огород, – неопределенно протянул Михаил Константинович.

– Ирина Сергеевна, неужели и в этом году Лёша все выходные будет пропадать на даче? – вдруг спросила Лизонька и добавила: – Потому что вам так хочется.

– А тебе что, сын, надоело? – голос Ирины Сергеевны зазвенел от сдерживаемого неудовольствия.

– Так, как вы «пашете», да, надоело.

– Но ведь для себя стараемся. И хочется, чтобы не хуже, чем у соседей. Мы ж без огорода...

– Не пропадём, нет. Нельзя же так – ни на речку, ни в лес, ни музыку послушать, только картошка, моркошка... Заготавливаем вдвое больше, чем нужно, зимой ты ходишь и раздаешь это всё соседям, а к весне на картошке ростки, как борода у деда, все уже молодую едят, а мы старую жуём.

– Вы не обижайтесь, пожалуйста, Ирина Сергеевна, – поддержала Лёшу Лизонька. – Мы не отказываемся помогать. Но я очень прошу, очень... поймите, нам хочется и в кино сходить, и просто побродить вдвоём. Ведь вы даже день рождения Лёши на огороде справляли. Лёша позвонил, сказал, надо ехать, мама боится, что огурцы под пленкой «сгорят». Я вижу, как вы рвётесь, и мне вас... жаль.

– А я в жалости не нуждаюсь, милочка...

– Нет, Ира, подожди, молодые в чём-то правы. Мы действительно зациклились на грядках. Всё хорошо в меру. А то получается: не урожай для нас, а мы для урожая. Есть ведь и другие радости в жизни. Я уж не помню, когда мы в последний раз были в театре. Про-

шлым летом, помнишь, оперетта приехала, твоя любимая «Летучая мышь», а мы – в автобус, потом на электричку, и поливать до седьмого пота... Столько клубники собрали, я уж этим вареньем давлюсь. И Лизоньке с Лёшкой вдвоём побыть хочется, а мы у них крадём все выходные.

«А может, они и правы, – думала Ирина Сергеевна, перемывая посуду и уже немного успокоившись от выпитой валерьянки. – Жизнь идёт, и многое проходит мимо. Лет пять тому назад в выходные они брали палатки, сын приглашал друзей, и все вместе – в поля, луга... Костёрчик... гитара... да... Сварить что ли ещё чашечку кофе...»

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Гости обещали прийти к трём. Вынув из духовки пирог с румяной корочкой (по кухне поплыл запах абрикосов), она налила себе чашку чая. Смотрела, как плачут, отгаивая, окна и вспоминала...

На пять лет мама с папой подарили ей большую куклу с закрывающимися глазами и полуоткрытым ротиком. По семейному преданию, на куклу истратили всю зарплату мамы-учительницы и потом целый месяц перебивались на курсантскую военную стипендию папы.

Однажды тётя подарила ей туфельки, к лету они оказались малы, и пришлось вырезать мысочек и носить их как сандалики.

В институте день рождения всегда отмечали чаепитием и обязательным подарком – от группы. А вечером бабушка ставила на стол «Наполеон», испечённый на сметане. Рецепт был оригинальный и поддавался только бабушкиному упорству. Непременно варился и холодец, дедушка называл его по-старинному – студнем. А потом бабушка и дедушка одаривали её десятками, сэкономленными из пенсий.

На тридцатилетие муж принёс ей цветы, скупил у приезжих южан целую охапку. Белоснежное чудо, прихваченное морозцем, к вечеру завяло, но букет ещё долго оставался в вазе.

Как-то из детского сада сын принес ей открытку – плод собственных трудов: красное солнце, синее небо и желтобокая птичка. Внизу печатными буквами подписано: «Мама, с днем рождения...».

Два часа. Пора накрывать на стол. Она решила постелить новую скатерть. Потом передумала, полезла за старой, но любимой. Её не вынимали из шкафа больше года. Вот тут в уголке она всегда и лежала: накрахмаленная и отглаженная мамой.

Она встряхнула скатерть. Неожиданно на ковер посыпались апельсиновые корки, потом упала шапочка, за ней упорхнул листок бумаги, сложенный вчетверо. Почерк был мамин – такой памятный, дорогой: «Дочка, родная моя, ты, наверное, удивишься, увидев эту шапочку. Ее связала я. Да, я всю жизнь не умела вязать, но помнишь, как ты сказала мне: «Ну что ты за бабушка, внуку носки не умеешь связать». И я решила на старости лет научиться. Брала твои спицы, пока ты была на работе. Носки уж не успею освоить. А шапочка – вот она!.. Видишь ли, я не очень уверена, что твой день рождения мы встретим вместе. Что-то мне уж больно нездоровится. Ты ругаешь меня, что я не хочу пить лекарства. Не сердись. Я чувствую: они не помогут. Не помогут, а стоят кучу денег. Чего тратиться напрасно. Дочка, эта красная шапочка (красный цвет всегда был тебе к лицу) – мой тебе подарок. Я не знаю, когда ты найдёшь его. Но в надежде, что это всё-таки случится, я заворачиваю его в нашу любимую скатерть (а от моли кладу апельсиновые корки). Не знаю, разберёшь ли ты мой почерк, руки так противно дрожат от слабости. Мне хотелось бы видеть тебя счастливой. И чтобы всё у тебя было хорошо. Прощай, миленькая. Без меня – не унывай. Твоя мама».

КУКЛА МАША

Елена Сергеевна шла на последний звонок взволнованной, как и положено настоящему учителю, хотя преподавателем не была, а всего лишь учила ребят балету – вне школьного расписания. Всего лишь...

Но её труды не остались незамеченными. По окончании церемонии ученики, предварительно постреляв в её сторону глазами и пошушукавшись, подарили ей цветок на высокой стройной ножке, и она была расстроена. Елена Сергеевна смотрела на подарок как на что-то необычное, потому что привыкла к садовым и полевым цветам. Те, что дарили учителям, были торжественно красивы, но стоили – её практический ум никак не мог позабыть об этом – кругленькую родительскую денежку.

Невольно вспомнился свой последний: звонок, хотя лет с тех пор минуло ой-ой сколько! В степи за военным городком как раз цвели тюльпаны: их красные огоньки они и дарили учителям. Она ещё раз взглянула на пышный, но уже привядший нездешний цветок, как младенец, запелёнатый в целлофан.

«Приду домой, подрежу стебелек и сразу – в воду. Может, оживёт».

Её окликнули. Она узнала Юлю – маленькую звёздочку школьного балетного сообщества. Разговор весело запрыгал с предмета на предмет.

– А вы какой иностранный язык учили в школе? – вдруг спросила девочка.

– В селе одну четверть, пока учительница не уехала, немецкий и, конечно, ничего из него не помню, в городской школе – французский и знала его прилично: могла разговаривать и кое-что читать, в институте волею деканата – английский, который тут же забыла, как только сдала. А ты почему спрашиваешь?

– Я думаю, какой выбрать. С нового года у нас в школе модно будет изучать два иностранных... А вам какой язык больше нравится?

– Мне? Русский, – без запинки ответила Елена Сергеевна. – Для меня это лучший язык в мире. Подумай, девочка, на этом языке ты впервые сказала «мама». Пройдёт время, и это же слово повторит тебе сын или дочка... У тебя что по родному языку?

– По какому? – не поняла Юля.

– Ну, понимаешь, когда я училась в школе, в написании так и писали: родной язык.

– А... У меня «тройка». Учительница говорит: «Врождённая безграмотность». А по английскому – «пять».

Они прошли мимо продавцов хот-догов, миновали «Бистро», супермаркет, ещё один. На углу распрощались. Елена Сергеевна вспомнила, что вечером ей привезут внучку. Надо что-то купить ребёнку... И решила купить куклу.

– Мне бы куклу.

– Пожалуйста, – предложила молоденькая продавщица. И бойко зачастила: кукла Джессика, Барби, Сусанна, Салли, Мишель...

«Наверное, и у этой девушки была «пятёрка» по английскому», – подумала Елена Сергеевна, но спросила другое.

– А куклы Маши у вас нет?

– Маши? – недоумённо переспросила продавщица и громко рассмеялась, как над шуткой.

КУРОЧКА РЯБА

– Насть... это ты? У тебя, значит, телефон не изменился?

– А почему он должен измениться?

– Ну...

– А это кто?

– Витька... Витька Мельников. Не узнала?

– Витя... Да как же узнать, когда я твой голос лет пять не слышала.

– Это что же, мы пятилетку после школы уже отмахали... Бежит время. Замуж не вышла? Насть... Я к тебе с просьбой. Личной. Помню, ты в драмкружке играла.

– Участвовала... Мое высшее достижение – Курочка Ряба: «бежит курица с ведром заливать кошкин дом».

– А, да, тебя потом... Ой, прости... Ты вечером свободна? Встретимся часиков в шесть? Место назначай сама. Я подъеду.

Настя переминалась с ноги на ногу. Холодало... И что Витьке от неё надо? Вспомнил про драмкружок. После той постановки к ней прилепилось прозвище – Курочка Ряба. Она не обиделась. Курочка так курочка. Ряба так Ряба...

Виктор усадил её на кожаное сиденье своей машины, включил музыку.

– Понимаешь, Насть, я тебе всё как на духу расскажу. Прислали в нашу фирму нового директора. И мне светит повышение. Но ... у директора есть дочка. В общем, у неё на меня виды. А я жениться, Насть, не хочу. Время не подошло, что ли? Или не встретил такую, чтоб ... Настёнок, я должен дать отлуп директорской дочке, но под благовидным предлогом, чтоб ни её не обидеть, ни папашу не настроить против себя. Этим предлогом будешь ты.

– Это как?

– Я представлю тебя как невесту. Мол, и заявление уже подали. А еще лучше – ты уже ребёнка ждешь...

– Вить!!!

– Всё понял: ребенок отменяется. Но невестой – побудь. Ну хочешь – я на колени встану? Мы ж за одной партой сидели. Значит это что-нибудь или не значит?

«Боевое крещение» Виктор назначил на субботу. Директор собирал сотрудников отметить новоселье. Ко-

гда они с огромным букетом чайных роз вошли в шикарную прихожую, Алла встречала гостей в дымчато-зелёном платье до пола. Бас её папы рокотал в гостиной. Алла мазнула взглядом по Насте, приняла букет из рук Виктора, поцеловала его в щеку, потом, чуть помедлив, коснулась губами его губ.

«Знакомься, Алла, это Настя, – сказал Виктор. И без всякой дипломатии уточнил: «Моя невеста». Алла достойно выдержала удар, только улыбка из радушной превратилась в принуждённую.

Их усадили вместе. Но как только начали танцевать, Алла потянула за руку Виктора, и они стали топтаться сначала на виду, потом плавно перетекли в лоджию. Когда они вернулись, у Аллы краснели щеки, а на лице Виктора розовел след помады.

«Ну Витька, ну...», – Настю снедала двусмысленность положения.

Виктор сел, как ни в чем не бывало, обнял Настю, потом легко, как пушистый комочек, поднял её с места и повел танцевать. Алла смотрела на них, не отрываясь. Виктор потеснее прижал Настю к себе и... поцеловал. От неожиданности Настя сбилась с такта. «Ну зачем же переигрывать?» – спросила Настя шёпотом. «Молчи, невеста», – подмигнул ей Виктор.

В среду Алла заявила к Виктору на работу в обеденный перерыв. Села на подлокотник кресла, опустила голову на его плечо: «Вить, давай всё переиначим... Папа купит нам квартиру. Твоя Настя не для тебя. Ты вон какой, а она – серая мышка».

– Курочка Ряба, – поправил Виктор.

– Что? Какая Ряба?

– Алла, извини, я на минутку, нужно передать факс...

Из приёмной он позвонил Насте: «Срочно бери такси и гони ко мне, Алка атакует...»

Алла вздрогнула, когда на пороге нежданно-негаданно появилась Настя.

– Вот, милый, – Настя выложила на стол пирожки, из термоса налила в тарелку борща, вытащила из сумки ложку, протерла её салфеткой. – Ешь, дорогой. Вкусно? А вечером будет ещё вкуснее, я купила парного мяса, сделаю бифштексы с луком, как тебе нравится, под майонезиком.

– Спасибо, любимая, – сказал Виктор, подчистую умяв съестное.

– Ну, я пойду, Витюша...

– Моя радость, – он взял её ладонь и перецеловал все пальчики.

«Артист...» – подумала Настя. А вслух сказала: «Извините нас, Алла, просто не знаю, что делать с Витюшей, такой шалун, без нежностей – никуда».

Прошел месяц, пригрело солнышко, снег таял. Виктор заявился под вечер.

– Ну, Насть, наша взяла, Алла нашла себе нового кавалера и уже «нарисовалась» с ним на фуршете.

«Значит, моя роль окончилась», – подумала Настя, отчего-то погрузнев. И спросила: «Ты получил повышение?»

– Да Бог с ним, с повышением... – Виктор достал из кармана коробочку, а из коробочки тонкое колечко с миниатюрным камешком.

– Это тебе...

– За удачную роль?

– Нет, не за роль... Выходи за меня замуж, Настя.

ЛЯ ПОМ

Воскресным утром я вышла из автобуса, а за ними закрылись двери шикарной иномарки. Когда толпа притиснула нас друг к другу, я заметила, как девочка бережно прижимает к груди что-то непонятное: бесформенное, грязно-розовое.

– Это мой зайчик, – уловив интерес, сказала девочка. – А это – она ласково погладила пучки всклокоченного мочала на голове игрушки – у него ушки.

– Он тебе нравится? – с сомнением спросила я.

– Я его люблю, – просто ответила она.

– Быстрей, быстрей, – заторопил своих спутниц мужчина, – купим цветы, и вон из этого бедлама.

Не знаю отчего, но мне захотелось посмотреть, какой букет выберет это семейство, и я вслед за ними вошла в павильон. Мужчина расплачивался за розы, тёмно-бордовые, ещё не опустившие свои головки в прозрачных каплях воды.

– Это мне, это мне, – прыгала на одной ножке девочка, – у меня день рождения! Ой! – она укололась о стебель, и дама заботливо наклонилась к её ручке.

– Больно! Больно! – стряхнув на пол алую капелюку крови, отчаянно заплакала девочка.

– Вот рёва! – вмешалась проходившая рядом женщина. – Не прекратишь сейчас же – мой мопсик тебя укусит.

Она подтащила к ногам девочки упирающуюся собачонку.

– Нет-нет, – сказала я девочке, – ты хорошая, умная, и вовсе не плакса, просто шипы такие острые, и тебе было больно, но всё уже прошло, правда?

Она закивала головой, но слезы ещё бежали по её упитанным щечкам.

– А как тебя зовут? – попыталась я отвлечь девочку.

– Арина Петъёвна, – важно ответила та.

– Петровна, – поправила мама.

– А как зовут твою маму? – перевела я взгляд на даму.

– Это не мама, это моя губернатка.

– Гувернантка, Аринушка, – отозвалась дама.

– Она учит меня французскому языку, – игнорируя подсказку, сказала девочка и тут же продемонстри-

рвала свои познания:– Ля пом – яблоко... А мама ездит со мной только в гости и ещё...

– Едем выбирать подарок, – подал голос молчавший дотоле папа.

– Не хочу! Я устала! – закапризничала Ариночка.

– Выберем здесь, – после раздумья согласился он.

– Елена Александровна будет недовольна, что мы водили Арину по рынку, – прокомментировала гувернантка.

Мы вышли на свежий воздух, пробираясь к выходу. И вдруг Ариночка всплеснула руками так, что подпрыгнул затянутый голубой ленточкой «хвостик» на её головке: «Попугайчики! Купи, ну пожалуйста, купи, папочка!»

– Но ты же хотела (он вынул из портмоне какой-то список) кукольный дом, платье, большого медведя, туфельки...

– Купи-купи, – умильно просила Ариночка.

– Вам какого? – обрадованно спросил продавец птиц: – Продам прямо с клеточкой. Довезёте при полном параде.

– Вон того... жёлтенького, – распорядилась Арина.

– Чтоб на качелях в клетке качался, – уточнил папа.

– Ну, Аринушка, а это мой подарок, – я протянула девочке антоновское яблочко.

ПИРОГ С КАПУСТОЙ

– Искали меня, Андрей Петрович? – в комнату резво вбежала дама в ярко-розовом комбинезоне, с ало нарумяненными щеками.

– Да, Анна Николаевна, хотел посоветоваться. Вот здесь... что-то явно напутано, а тут надо уточнить цифру... Впрочем... извините... всё это можно обсудить и после обеда.

– А я уже пообедала и в парикмахерскую успела.

– Да, вам идет это... эта прическа.

– Спасибо-спасибо. А что это у вас? Пирожок. С чем?

– С капустой. Жена вчера пекла, а сегодня разогрела.

– Вы любите с капустой?

– Ага.

Анна Николаевна была интересной женщиной, не в смысле красоты, а потому что умела заинтересовать своей персоной всех окружающих. У неё были муж-геолог и масса обожающих её мужчин, которых она на французский манер называла Никола, Серж, Анатоль... Женщины в бюро были без ума от её рассказов, частью пикантных, частью романтических, так не похожих на обыденную жизнь с мытьём тарелок от обеда и ужина, семейными перебранками, шалостями подрастающих отпрысков. Некоторые из приближённых к Анне Николаевне удивлялись, как при всех своих достоинствах она лишь рядовой инженер-конструктор. Быть ведущей, а то и главной – её роль.

– Но ведь мужчины, – отзывалась Анна Николаевна, – они же помешаны на своём уме, разве они допустят нас в свою епархию? Вот и наш Андрей Петрович – нет, мужчина он, конечно, ничего себе, аванажный, но на ведущего не тянет... Очень уж щепетильный. Впрочем... это не так уж плохо... – Анна Николаевна отпивала ещё глоток «арабики» и томно опускала глаза, будто пряча невысказанные мысли.

В пятницу Анна Николаевна подкараулила Андрея Петровича в коридоре, еле освещённом, из экономии, одной мигающей лампой и, смущаясь, изложила просьбу. Суть её была в следующем: Анна Николаевна купила новый письменный стол в подарок мужу, вчера завезли его в комплекте с креслом, а собирать мебель – некому. Сама же она в этом деле полный профан.

«А как же обожающие господа? – подумал Андрей Петрович, для которого женские секреты давно не были тайной, поскольку сидел он в одной комнате с дамами. –

И в магазине, кажется, такую услугу оказывают, впрочем, наверное, берут дорого».

– Я вам буду очень благодарна... я вам... пирог с капустой испеку, – щебетала Анна Николаевна.

– Диктуйте адрес, – сказал Андрей Петрович...

– Большое вам спасибо. Правда, стол шикарный? А кресло? Какой нестандартный дизайн. Коньяк или кофе?

– Кофе. Без сахара.

– Нет, я заварю чай. К пирогу с капустой он больше подходит.

– Так вы и вправду испекли пирог?

– Да...

Они ещё немного побеседовали, потом всё-таки выпили коньяк. Андрей Петрович стал прощаться.

– Нет, – остановила его Анна Николаевна и замолчала, будто собираясь с мыслями. – Эти вечера... Горит торшер... так одиноко... Раньше мне казалось, что расставания сближают нас с мужем, а теперь... – голос её дрожал.

Она говорила долго и бессвязно, с трудом и как бы по необходимости, а в глазах плескалось отчаяние. Потом коснулась его руки, тоненькая лялочка сарафана опустилась, приоткрывая почти не тронутое загаром плечо.

– Не уходите, – сказала она с вызовом. – Андрэ, я...

– Анюта, – он притянул её к себе, ощутил аромат каких-то неведомых духов, жадно поцеловал, не испытывая, впрочем, страсти.

– Ах! – и явный вздох облегчения слетел с губ Анны Николаевны.

Что-то кольнуло в сердце Андрея Петровича, но он не разомкнул кольцо своих рук...

В понедельник он на работу не пошёл. Сидел дома нахохлившийся, как нашкодивший воробей, отобравший у собрата последнюю крошку. Ровно в одиннадцать раздался звонок. Голос Анны Николаевны звучал

деловито, без намека на нежность: «Вы меня скомпрометировали».

– Побойтесь Бога, ничего же не было.

– Как не было? А поцелуи? И вышли вы от меня за полночь. Соседка видела.

... В июле Анну Николаевну назначили ведущим инженером-конструктором. По этому случаю распили шампанское.

– А скучно, девочки, без мужского общества, – сказал кто-то, когда бутылка опустела. – И чего это Андрей Петрович вдруг ушёл по собственному желанию?

САДОВО-ОГОРОДНЫЙ РОМАН

Она вдохнула сиреневый туман раскрывшихся соцветий и зелёной тропинкой зашагала к даче, на которой не была с осени. Дверь домика оказалась открытой, за ней зияла пугающая темнота, кое-где подсвеченная золотистыми пятнами от солнца.

«Так...», – она остановилась на пороге, потом решительно двинулась вперед. И замерла в недоумении. Старый диванчик был застелен ворсистым покрывалом, разрисованным жёлто-коричневыми фитюльками. На столике стояла бутылка пива «Миллер» и в стеклянной банке – несколько жёлто-пушистых одуванчиков. Подивившись чистой наволочке, она приподняла подушку, там лежали конфеты, и не какие-нибудь карамельки, а шоколадные трюфельки, явно приготовленные, чтобы полакомиться на сон грядущий.

«Ну и бомжи нынче пошли, – подумала с усмешкой, – покрывало, наверное, приволокли с какой-нибудь богатой дачи. Но конфеты...»

Она шумно поставила сумку на пол, и в дальнем углу тут же что-то зашевелилось.

«Мыши...», – она прикинула, как побыстрее заскочить на диван.

Но из кресла, чинённого-перечинённого ещё её отцом, выросла фигура мужчины, явно спросонья.

– Вы... чего тут делаете? – опасливо спросила она.

– Я? Живу, – невозмутимо ответил мужчина.

Ссору с бомжем, когда стоишь одна-одинёшенька, она благоразумно отвергла.

– Значит, так, – стараясь, чтобы голос не дрожал, сказала она, косясь на спасительную дверь, – это наша дача.

– Не спорю, – улыбнулся незнакомец.

Еще бы поспорил, – мысленно подытожила она, – я вот сейчас прямо в милицию... Ой, мамочки, какая тут милиция, хоть бы дядь Миша на месте оказался, и то ладно – всё подмога.

– В общем, давайте по-хорошему. Мы будем приезжать в выходные с десяти до пяти. И чтоб вас тут не было! А ночевать... ночуйте, если вам уж совсем идти некуда.

– Договорились, – ещё шире улыбнулся бомж и наглово спросил: – Вас проводить?

– Покрывало? – лишь на секунду запнулся дядя Миша. – Да спёр! Натурально спёр! Вон у Кузькиных в погреб залезли, огурцы, варенье – всё подчистую. Потом костёр разожгли и картошку пекли. Только что шашлыки не жарили. Курятиной не пахло, врать не буду.

– А вы чего ж их не спугнули?

– Я что – дурак? – спросил дядя Миша и сам себе ответил, чуток подумав: – Не дурак... Они бы меня по кумполу да топориком.

– По... какому... кумполу... каким топориком...

– Ну, непонятливая моя, по голове, значит. А топорик... он всегда в хозяйстве найдётся. Кузькины – они запасливые... Ты-то со своим не ругалась? А то, гляди, в отместку дачу спалит. А от твоей моя займётся... потом Кузькиных, – мечтательно произнёс дядя Миша последние слова и, взявшись за лопату, вновь принялся срубать безвинные одуванчики.

– Мешают, гады... От Кузькиных лезут. Картину мне тут портят. И вообще... сорняк. А у хорошего хозяина всё должно быть... прилизано, грядки... по ниточке.

– Яблоки с кулак.

– Чего?

– Да это я так, дядь Миш.

«А одуванчики ничегошеньки не портят, а украшают», – трясясь в автобусе, подумала она и отчего-то вспомнила банку на дачном столе с тремя цветочками.

... Через неделю тот же автобус вез её к дачному кооперативу. Небо было безоблачным и обещало жаркий день... Но солнце вдруг закапризничало, и сразу потемнело. В окно ударил дождь.

– Зарядил бы на все выходные, – сказала женщина в цветной панамке и прикрыла окошко, чтоб не капало. – Все равно урожай будет с гулькин нос, а сколько сил вложено... Сосед мой, здоровый с виду мужик, инфаркт прямо на грядке схлопотал.

– Умер? – ужаснулся кто-то.

– Зачем? Живёт. Отходили. Чуть оклемался, опять на огород ездит, как мы, рассаду возит. Прямо бычок на верёвочке.

Дождик... Разговоры попутчиков... Всё это долетало до неё, как в тумане. Накануне зашла на огонёк подруга Тоня и, как водится, осталась ночевать. Проговорили за полночь.

– Всегда ты влипаешь в какие-то истории, – укорила Тоня, – и бомжи тебе какие-то ... интеллигентные попадаются... А вдруг ты завтра приезжаешь, а он тебе грядки вскопал, сучки сухие попил... Слушай, а зачем ты ему сказала, что «мы приедем», ну в смысле ты и ещё кто-то? У тебя что – секретный поклонник завёлся? Ну, ладно... не обижайся... Максима забыть не можешь... Пять лет прошло, как его схоронили. А ты и медаль его в шкаф не спрятала. И бумагу эту «погиб при исполнении воинского долга». Для сынули бережешь... Он когда из лагеря возвращается?

– Так смена только началась, а он и на вторую просится.

– Весело ему, значит, там. А ты тут... А сколько мужиков стоящих к тебе подкатывается. И начальник наш, и Виктор Андреевич из налоговой. Я уж не говорю про ребят из нашего отдела. Куда там! Гордая ты у нас... И странная... Бомжа вон пожалела. Он, поди, небрит, нечёсан и немыт.

– Ничуть не бывало. Очень даже... приличный... человек.

– Ну, приехали. Бомж у неё приличный выискался.

Дача встретила её тишиной. И, конечно же, грядки были не вскопаны, а сушняк в малиновых зарослях являл собой укор её бесхозяйственности. В домике всё было по-прежнему, только одуванчиков в банке прибавилось. Бомжа видно не было... И на том спасибо...

Весь июль она исправно ездила на дачу. Бомж ни разу ей на глаза не попался. Но его присутствие было заметно. Вместо одуванчиков на столе появилась сначала сирень, потом жасмин. Старое кресло превратилось почти что в новое, по крайней мере, уже не заваливалось набок. Бак исправно наполнялся водой, которую давали по графику по будням. Грядки с укропом и зелёным луком были политы. А на грушах и яблонях сухие сучки спилены, совсем как предсказывала Тоня.

Вместо того чтобы по совету дяди Миши «трудиться, трудиться и ещё раз трудиться», она расстилала полотенце на лужайке за домом и отдавала себя в плен тёплым, а иногда и горячим лучам. Часа в три перекусывала бутербродами, уходя, обязательно оставляла хлеб с сыром, аккуратно выложенный на тарелку и прикрытый салфеткой.

А однажды открыла дверь... и ни покрывала, ни подушки, ни раздолбанных кед в углу – ничего не было. И полотенце, которое к её приезду было обычно ещё мокрым, оказалось сухим. Только банка с цветами осталась...

В августе она подхватила горящую путёвку и уехала. Добросовестно ходила на экскурсии. Загорела, но погрустнела. Не по ней было делить досуг с незнакомыми людьми, охочими до развлечений.

Вернувшись, продала дачку. Что ей было на ней делать? Земледельца из неё не получилось. Оправдывая своё решение, она рассказывала Тоне случай, приключившийся по весне. Тогда на подходе к мусорным бачкам, куда она несла выбросить пластмассовые бутылки из-под газировки, на неё коршуном налетел приличного вида дядечка: «Пожалуйста, не бросайте, отдайте их мне. Вы не подумайте, я их не молочницам загоняю, а обрезаю верх, сыплю землю, сажаю семечко. А потом рассаду – на огород».

Тоня часто приходила её навещать. Вот и сегодня она ждала подругу. Наконец раздался звонок.

– Тонь, привет! Ты где застряла? – она широко распахнула дверь.

На пороге стоял бомж. Её бомж. Только одет он был в костюм, и ворот светлой рубашки подпирал галстук.

– Не побоитесь впустить в дом чужого человека? – вместо приветствия спросил бомж.

– Чего уж там – проходите.

– Пришел сказать вам «спасибо» за летнее гостеприимство.

– Адрес-то как узнали?

– Для журналиста тайн не существует.

– Для... кого?

– Какой у вас горячий чай. Я такой люблю. И бутерброды с сыром. Что-то они мне напоминают... Вы меня, значит, бомжем считали. Что ж, мой трюк удался. У нас в газете есть такая рубрика «Испытано на себе». Я решил стать бомжем, дачным, чтобы потом рассказать читателям, как это всё бывает. Изнутри.

– Вы меня не разыгрываете?

Он достал из кармана красную книжечку с броской надписью «Пресса». Развернул.

– Сверьте, пожалуйста, фотографию с оригиналом... Похож? Ой, совсем забыл: там в сумке яблоки – антоновка, это дядя Миша вам прислал. Очень он горюет, что вы дачу продали. С Кузькиными-то, говорит, не очень пообщаешься, а с вами – за милую душу.

САМАЯ КРАСИВАЯ

– Моя мама самая красивая! – девочка перехватила Тамару Петровну на дорожке, заглянула в глаза. – Я знаю, вы бабушка Андрюшки, он вон там – на качелях.

– Она всегда хвастается своей мамой, – сказал подбежавший мальчонок.

– Ну... – Тамара Петровна помолчала, – мамой можно хвалиться. Твоя мама, я уверена, тоже красивая.

– А моя мама самая красивая! Мама! Мамочка! – девочка стремглав бросилась навстречу темноволосой даме, уверенно обходящей лужи на тонких высоких каблуках. Её платье облачно-голубого цвета напоминало о незабудках, летнем, не замутненном тучами небе, тонком шлейфе разгорающегося костра.

– Я сегодня видела поразительно красивую даму, – рассказывала Тамара Петровна вечером дочери, сдавая с рук на руки раскапризничавшего внука. – Выглядит, как девушка лет восемнадцати, а дочка в одной с Андрюшей группе.

– Знаю, знаю, – рассеянно сказала Ира. – Она называет дочь Натали. А сама, на мой взгляд, очень жеманна. И имя... Арина. Выглядит, конечно... Но тебе тоже, красавица наша, никто не даёт твоих лет, какая уж из тебя бабушка.

– Ну нет, Ирочка, красота – это молодость. Всё, что потом...

...Титул первой красавицы укрепился за Ариной с первых же дней. Она была так вызывающе хороша, что

сотрудницы даже не пытались ей завидовать. А мужчины... Мужчины от неё банальнейшим образом балдели. Но на своих отдельческих она не обращала внимания: так, улыбнется иногда. Ухаживать за ней не пытались. Каждый вечер её поджидала шикарная иномарка, и, небрежно проведя пальчиками по локонам, Арина садилась в машину, как королева.

С Наташиным отцом она рассталась два года тому назад: он пил, напившись, был несдержан и горяч. Нынешний «кадр» – состоятельный господин, умеющий оценить «товар», но не более того. А Арине хотелось простого бабьего счастья – выйти замуж, родить сынишку, пока не поздно. Это была тайная мечта, знать о которой не полагалось никому.

Весна выдалась холодной, дождь перемежался со снегом. Справляли 8 Марта. Секретарша Леночка пришла с кавалером. Но так получилось, что Ленин кавалер весь вечер не отходил от Арины.

«В ЗАГС? Никаких проблем, – ответил ей Евгений, когда после полумесячных ухаживаний Арина сказала, что настаивает на серьезных отношениях. – Только познакомлю тебя с мамой».

Мама, пристально рассмотрев Арину, слегка поморщилась и ушла на кухню, прихватив с собой сына. «Слишком красивая, – сказала она ему. – А нам нужна рабочая лошадка, вон какое у нас хозяйство. Нет, не подходит твоя пассия». Но Евгений поступил, как подсказывало сердце.

После свадьбы Арина и Евгений стали вместе приходить в садик за Наташей. Девочке объяснили, что из долгой-долгой командировки вернулся её папа. Вскоре родился сын – Вовка. Арина, едва оправившись, послушно сажала картошку, полола грядки, до изнеможения поливала огурцы, подкармливала томаты. А когда Вовке исполнилось три годика, Евгений ушел к той самой Леночке, у которой она его когда-то отбила. Арина осталась жить у свекрови.

... Тамара Петровна шла по рынку в раздумье. Вот и лето пришло. Андрей заканчивает школу, а давно ли бегал в садик.

– Свежие огурчики, с грядки...

– А не горькие?

– Сладкие-сладкие. Вам сколько?

– Ну, сколько... по такой цене... полкило.

– Наталья, чего смотришь по сторонам, накладывай... У вас пакетик есть? Если в наш – 50 копеек.

Расплачиваясь, она посмотрела на продавщицу. Расплывшееся лицо, ярко накрашенные губы, розовые тени на глазах и румяна на скулах. Не лицо, а маска... И всё-таки что-то в нём было знакомо-привлекательное. А девушка – наверное, её дочь – поразительно красива. Молоденькая... лет 16. Как Андрею? И похожа на...

«Арина, ну как насчёт вечера?» – мужчина говорил с лёгким южным акцентом, улыбаясь продавщице и подмигивая Наташе.

Тамара Петровна вздохнула, сомнения её развеялись. Да, она купила огурцы у Наташи и её самой красивой мамы.

СТАКАН ЧАЮ С ЛИМОНОМ

Тамара Михайловна вернулась из нового супермаркета рассерженной и раздражённой. Соблазнила поехать соседка Галя, которая уже побывала на открытии. Добирались до девятиэтажки, где в нижнем этаже располагался торговый центр, двумя автобусами с пересадкой. А цены оказались не ниже и продукты не лучше, чем в магазине напротив их дома. Но дело было не в этом. Выйдя на морозный воздух, соседка приостановилась и сообщила: «Видела вашу Людмилу с Игорьком. Паренёк – вылитый отец, а Людмилка такая красотка, шубка до пят, фигурка, как у девушки». И, заторопясь, добавила: «Вон, их окна на пятом этаже. Квартира 125».

Тамара Михайловна поджала было губы, потом опомнилась и перевела разговор на другое: «Картошка на рынке по десятке, страсть прямо».

Теперь, сидя в тёплой кухне, она выдавила на ладонь жёлтый шарик валерьянки, сглотнула, испачкав руку губной помадой, запила водой из остывшего чайника. И, пока успокаивалась, решила снова съездить в супермаркет, может, что нового подвезут. С этой мыслью и пошла в гостиную смотреть очередную серию бразильского счастья.

Пятнадцать лет тому назад Морозовы жили вторым в четырёхкомнатной квартире. Муж Борис Егорович – художник – делил время между вернисажами и мольбертом, сын Павел учился на последнем курсе медицинского института. Когда появилась Людмила, Тамара Михайловна сразу почуяла неладное и пыталась отговорить сына от женитьбы, но напрасно. Всегда послушный родительской воле, он заупрямился. После свадьбы обе семьи стали жить вместе, если вечную войну, которую развязала Тамара Михайловна, можно было назвать жизнью. В Людмиле её раздражало всё: что была стройной до худобы, пельмени лепила большие, как вареники, бельё вешала сушить, вывернув наизнанку, в ответ на придирки не переходила на крик, а слабо улыбалась, но больше всего то, что чай пила не из чашки, а из тонкого стакана в подстаканнике и не хотела расставаться с этой привычкой. Игорёк родился зимой, ребёнком оказался беспокойным, орал ночи напролёт. Люда за день так с ним выматывалась, что по ночам вставал к малышу Павел. Это и переполнило чашу терпения. Тамара Михайловна, дождавшись, когда Борис Егорович ушёл в художественный салон, сказала Людмиле, как отрезала: «Вот Бог, а вот порог». И под первую весеннюю капель молодые погрузили кровать, пару чемоданов и узел с постелью в такси. Тамара Михайловна – «пусть не думают, что подлизываюсь!» – даже к окну не подошла посмотреть, как они там управляются. Когда

под вечер Борис Егорович пришёл домой, там уже пахло не подгоревшим молоком, а тонкими французскими духами, не попадались под руку целлулоидные игрушки-погремушки, не занимал ванную таз с замоченными пелёнками и даже верёвочка в коридоре, на которой они сушились, была предусмотрительно обрезана Тамарой Михайловной, которая встретила мужа блюдом свежих пирожков с курагой, до которых тот был большой охотник.

Поселились молодые Морозовы в общежитии, а какое там житьё, Тамара Михайловна представляла: общая кухня, две плитки с четырьмя конфорками и один туалет на весь этаж, из окон, сколько ни утеплишь, дует. Нет, к такому её Павел не привык, долго не выдержит, пророчила она. И оказалась права. Майские праздники сын уже гулял в родительском доме, и в прежнюю свою семейную жизнь, как в комнату со старьём, дверь уже не открывал. Тамара Михайловна, обзвонив знакомых, подыскала Павлику невесту, но он перед самым Новым годом неожиданно уехал на Север. Родителям потом витиевато написал, что встретил подругу жизни Наталью, во втором письме – через полгода – имя поменялось на Ларису, а вскоре родное чадо и писать перестало, и неизвестно, жил ли Павлуша бобылём или прибился к очередной женщине.

... Как-то Тамара Михайловна разбирала вещи мужа и в старом, давно не ношенном пиджаке наткнулась на фотокарточки. На одной, чёрно-белой, Борис Егорович вёз на санках одетого в курточку с капюшонном малыша лет шести, на другой, цветной, он, постаревший, опирался на трость, а над ним возвышался на целую голову и обнимал за плечи подросток с тёплым взглядом синих глаз, удивительно похожий на Павлика. «На память от Игорька» – было написано на обратной стороне снимка. «Значит, Борис Егорович тайком виделся с внуком?» – волчком завертелся вопрос, но спросить было не у кого: муж год как умер, оставив её одну

в сразу опостылевшей квартире. С глаз долой Тамара Михайловна спрятала фотографии в коробку с ненужным хламом и забросила её на антресоли.

... Дверь в 125-ю квартиру была выкрашена стандартной коричневой краской. Тамара Михайловна вдавила жёлтую пуговку звонка. Людмила молча стояла в проёме двери, медленно снимая фартук, улыбка гасла на её губах.

– Здравствуй, – наконец выдавила Тамара Михайловна и объяснила: «К внуку пришла», ожидая услышать колкое: «Поздненько собрались».

– Мама! Это не диск принесли? – в тесный коридорчик вышел подтянутый паренёк, как две капли воды похожий на Павла, – такой же темноволосый, с вьющимися волосами.

... Пока Людмила готовила на кухне чай, Игорь, не глядя на Тамару Михайловну, что-то высматривал за окном, отодвинув край кружевной занавески. Тамара Михайловна оглядывала комнату. Над диваном висела картина, она узнала её сразу: фигура на осенней мостовой, исчерченная дождём. Картину написал Борис Егорович и назвал её «Я». Она висела в его кабинете, но как-то в очередной раз Тамара Михайловна пришла вытереть с неё пыль, а картины на месте не оказалось. «Подарил добрым людям», – ответил Борис Егорович на её вопрос.

Наконец Люда внесла в комнату поднос, на нём – три тонких стакана с чаем, блюдечко с лимоном и сахарница. Игорь тут же неуклюже-толсто нарезал лимон и подчёркнуто вежливо спросил у Тамары Михайловны: «Вам с лимоном?». Она кивнула. Внук, поддев ложечкой, щедро положил в её стакан две дольки. Тамара Михайловна хотела добавить сахару, но сахарница стояла на другом конце стола.

Вкус этого терпкого чая горчил Тамаре Михайловне до самого дома. Не раздеваясь, она полезла на антресоли, вынула снимки, обтерев перчаткой пыль с

коробки. Не снимая сапожек, прошла в спальню, прислонила фотографии к хрустальной вазе на тумбочке у кровати. Потом пошла в кухню и включила газ. Когда чайник закипел, она налила себе большую чашку чаю – сладкого-пресладкого и выпила его залпом.

СЮРПРИЗ ДЛЯ ДВОИХ

– Всё, надоело! – Людмила бросила обратно в таз уже отжатое полотенце, и влага быстро пропитала его. – С утра до ночи стирка, готовка, уборка! Пыль, проклятая пыль, и откуда она только берётся, замучила. Хожу целый день с тряпкой, двери открываю, как швейцар. Сергею хорошо: надел чистую рубашку, завязал галстук и «до свиданья, милая!». А она в четырёх стенах уже пятый год. Пока дочка была маленькая, понятно, а потом...

– Детский сад? – свекровь надула подкрашенные губы. – И тебе не жалко такое сокровище – в чужие руки? – Моя прелесть! – она потрепала внучку по румяной щёчке. – Ну Людочка, ну лапочка, будь благоразумной, посиди с ней ещё годик дома. А если трудно с деньгами – мы поможем. – И свекор, согласно кивнув, тут же достал портмоне.

...В сердцах хлопнув дверью, Люда вышла из ванной. В детской Ксюша рисовала: цветочки, куколки, солнышко, птички – обычный набор счастливого ребёнка.

– Мама, мы пойдём погулять?

– Там дождь.

– А вот и нет. На балконе ни капельки.

– Ты выходила на балкон? Кто разрешил? – всполошилась Люда.

– Я только на минутку, и я не залезала на стульчик и не дотягивалась до перил. Правда-правда, – затараторила Ксюшка и, заметив хмурое мамино лицо, совсем взрослому тут же перевела разговор на другую тему: – А вчера мы с папой смотрели, как садилось солнышко.

Сначала мы пошли в деревню, и там были индюшата, бычки и козочки, потом стояли на обрыве. («А я в это время мыла посуду от ужина», – почувствовала самой себе Людмила). Далеко-далеко мы видели тёмный лес. За ним живут эльфы, гномы и маленькие человечки – хоббиты. Помнишь, мамочка, папа читал мне про них волшебную историю, и ты тоже слушала?

– А что читал тебе папа вчера?

– Ничего.

– Вот как... – Людмила будто бы даже и обрадовалась, что нашёлся изъян в Сержином безупречном отцовском поведении.

– Мы не читали сказку, потому что... (Ксюша сбросила тапочки, взобралась на диван, на цыпочках дотянулась до книжной полки, что-то достала оттуда), смотрели альбомчик. Вот этот. Ну, пожалуйста, давай посмотрим вместе с тобой эти фотографии.

Людмила нехотя присела рядом (тянуло за душу недостиранное бельё), глаза машинально скользили по снимкам, хранящим мгновения жизни их еще такой молодой семьи.

– Мамуля, отгадай, какая фотография мне нравится больше всего?

– Думаю... вот эта.

– Не угадала, не угадала! А папа сразу угадал! – детский пальчик упёрся в совсем другой снимок, и жар мгновенно прилил к Людочкиным щекам, хотя в фотографии не было ничего необычного. Просто на ступеньках дощатой верандочки стояли, шурясь от солнца, двое. У девчонки задорная чёлка спадала на высокий лоб, воздушный волан шифонового платья открывал колени, а за плечи её обнимал паренёк, в глазах которого плясали искорки веселья. Она и Сергей. В тот памятный день.

... Девятнадцатилетняя Людочка обладала не столь уж частым сочетанием ума, обаяния и привлекательности. Она легко, не задумываясь, кружила головы со-

курсникам и нисколько не удивилась, когда новичок на курсе Серёжа Яковлев предложил ей в воскресенье сходить вместе на пляж. Продиктовала ему свой адрес, кокетливо заметив, что живёт далеко от института и ему придется потрудиться, прежде чем отыщет их дом в старом закоулочке.

– Город я, конечно, знаю ещё плохо, – отозвался Сергей, – но не волнуйся, приду вовремя.

В его голосе ей почудилось еле уловимое поддразнивание. Волноваться? Было бы о чём... – подумала Людочка. И тут же выбросила из головы предстоящее свидание.

Это было в пятницу, а в воскресенье с раннего утра (Сергей должен был прийти к десяти) она подкрутила щипцами густую чёлку, старательно до блеска расчесала пышные волосы, облачилась в новый (на синем фоне красные маки) сарафан, прошлась свежим лаком по ноготкам. Оставшись довольной своим видом, Людочка присела к окошку и стала высматривать Сергея...

Но он не пришёл. И вечер одарил её скверным настроением и неперменной его спутницей – неукротимой жаждой наводить порядок в доме. Родители ещё вчера уехали с ночёвкой на дачу, и Людочка на просторе яростно двигала мебель, добираясь мокрой тряпкой до самых потаённых уголков. Потом ещё совсем чистые вещи, в том числе и злосчастный непригодившийся сарафанчик, полетели в мыльную пену. На минуту, в короткую паузу затишья, она присела у зеркала, и то, что оно отразило, Людочке совсем не понравилось: лицо бледное, без косметики, покрасневшие от непролитых слёз глаза, выцветшая косынка, скрывающая волосы, старый тренировочный костюм, делающий точёную фигурку бесформенной, облупившийся маникюр.

Она домывала ступеньки на верандочке, когда знакомый голос спросил: «Можно увидеть Людмилу?»

«Господи, Сергей, – сердце Людочки тревожно запрыгало. – А я, как нарочно, хуже Бабы Яги».

Она ещё ниже опустила голову. «А её нет, – сказала, старательно меняя голос, – только что ушла. И, сама не зная почему, добавила: «А я её сестра – старшая».

– Очень приятно, – ответил Сергей, но она так и не повернулась в его сторону.

В понедельник он ждал её у входа в аудиторию. С виноватым видом объяснил, что срочно пришлось уехать из города – отвезти лекарства прихворнувшему деду, рассчитывал, что успеет вовремя вернуться, но шестичасовой автобус почему-то не пошёл, и пришлось ждать послеобеденного.

Людочка, удивляясь самой себе, без колебаний тут же его простила. С того дня они стали встречаться, и дело верно пошло к свадьбе. Сергей уже несколько раз просил познакомить его с её родителями, но Людочка, сама не зная отчего, откладывала смотрины. Наконец он проявил настойчивость: «Хочешь – не хочешь, Людочка, а завтра жди в гости. Хочу сделать тебе предложение по всем правилам».

– При народе, в хороводе? – пропела Людочка.

– Ну да, – поддержал шутку Сергей, но тут же серьёзней: – Немножко волнуюсь. Первый раз увижу своих будущих родственников. Хорошо, что хоть сестру твою однажды видел, будем считать, что знаком.

Людочка потеряла дар речи, тотчас же вспомнив свой невольный обман.

Она так и не сомкнула глаз до утра, то взбивала подушку, то расправляла простыню, то просто ворочалась с боку на бок. Как разрешить недоразумение? Вот уж действительно: слово не воробей... А вдруг Сергей решит, что это был розыгрыш, и обидится? Или посчитает её, что ещё хуже, легкомысленной врунишкой.

Она встретила Сергея на крылечке и всё выложила ему как на духу.

Он улыбнулся: «Вот как. Значит, это была ты». Потом очень серьёзно посмотрел на невесту: «Забавно, хотя и немного обидно. Но... кто старое помянет...»

– Людмила, что же ты не приглашаешь молодого человека в дом? – прервал объяснение голос её отца.

– О, да вы отлично смотрите вместе, друзья мои! Такое надо запечатлеть. Впервые приходят к нам дочку сватать.

Иван Дмитриевич быстро вернулся с фотоаппаратом. И вот он, этот снимок, теперь уже вложенный в прозрачную страничку семейного альбома Яковлевых.

Медовый месяц молодые провели на берегу Оки. В палатку залезали только на ночёвку или если шёл дождик. Днём купались, загорали, объедались земляникой, пили пахучий, настоящий на её молодых листочках чай, варили кулеш с грибами, уху. Весь июль они не могли насытиться своим счастьем. Следующим летом родилась Ксюша и прибавила радостных хлопот, но на Оку уже, конечно, они не выбрались ни тогда, ни позже.

В этом году на изломе зимы Сергей обронил за ужином: «Пришёл срочный заказ. В общем, мне придется задерживаться по вечерам. Вы, родненькие, не ждите меня, ложитесь спать».

Людочка сначала не придавала этому значения. Но прошёл месяц, и одинокие вечера по будням стали надоедать. Конечно, рядом была Ксюша. И всё же, и всё же... Как-то, поколебавшись, Людочка набрала вечером номер рабочего телефона Сергея, но длинные гудки стали единственным ответом.

«Может, уже ушёл домой?» – ухватилась она за соломинку. Но вернулся муж только часа через два...

А если... Вдруг у Сергея роман с другой? Хотя... это как-то не состыковывалось в её сознании – Сергей и любовница. Но как знать? Говорят, о таком жены узнают всегда последними.

Они всё-таки вышли погулять и задержались на улице до вечера. Ксюша уже жаловалась, что устали ножки, а Людмила оттягивала возвращение в пустую квартиру. Но всё имеет свой конец, повернули и они к дому. Она бросила взгляд на балкон, увитый зеленью.

На веревке колыhalось оставленное в ванной бельё. «Наверное, мама без нас приехала и, как всегда, сразу же нашла себе дело», – подумала Люда.

Но в коридоре пахло не мамиными лёгкими духами, а какой-то резиной. Свет в комнате горел. Ксюша первая протиснулась туда, и Людмила услышала её удивленное: «Лодочка? Настоящая?» Она быстро вошла следом, даже не распаковав покупки. Тщательно навешанный перед прогулкой порядок был нарушен. Большая надувная лодка стояла посреди комнаты, к столу были прислонены два новеньких велосипеда. Старая палатка перекочевала с антресолей на пушистый ковер, припорошив его пылью, удочки были разложены на полке буфета.

Глаза Сергея, уже переоблачённого в домашние джинсы и майку, сияли: «Сюрприз! С завтрашнего дня у меня отпуск. Уезжаем на Оку – втроём! Берегись, рыбка!» – он лихо раскрутил удочку, чуть не сбив вазочку с тумбочки.

– Лодка, велосипеды – ты взял их напрокат? – как будто это было самым важным, спросила Люда.

– Почему напрокат? Я их купил.

– А деньги – откуда?

– Так Вадик ещё зимой нашёл мне подработку в частной фирме. Вот почему мне приходилось задерживаться вечерами... Ну, как вам сюрприз, девочки? Не слышу аплодисментов!

ТРИ ПЛЮС ДВА

Эх, и до чего же хочется есть за полчаса до обеденного перерыва. Так и подмывает залезть украдкой в шкафчик, вынуть пару-тройку яблок и аппетитно захрустеть. Но нельзя. Вдруг кто-нибудь зайдёт, а он, новоиспечённый мастер токарного участка, сидит себе и хрумкает яблочко. Ну никакого авторитета. Нет, лучше потерпеть, а в обед нырнуть в первых рядах в столовую.

Тем более, что... Да чего темнить? Хочется поскорее увидеть Люсю. Стоит она на раздаче и улыбается даже тогда, когда проголодавшаяся братва ей грубит.

Как-то Люся подседа к его столику.

– Нравится, как готовят?

– Нравится.

– Тепло для апреля, – сказала Люся.

– Жарко.

– Значит, цвет побьёт морозом позже, – мрачно изрёк невесть откуда взявшийся записной балагур Генка Кирилов.

Но Люся не обратила на Генку никакого внимания.

Солнце погружалось в коралловую дымку, заливая розовым облупившуюся пятиэтажку. Свет был неярким, приглушённым, воздух прозрачным, вдали угадывались очертания церковных колоколов. Они, оказывается, жили в одном общежитии, но на разных этажах.

Стоило Алёше прийти в гости к Люсе, как девчонки-соседки тут же ретировались – «по делам». Свадебное платье Люся сшила сама: покупное стоило дорого, а ношеное – по объявлению – кому нужно? Алёша платье одобрил, чмокнул Люсю в щёку, открыл коробочку, показал колечко.

Теперь он уж и не вспомнит, почему оказался на дне рождения у Генки Кирилова один – без Люси. Выпили. Закусили. Танцевать его пригласила Аля. Она выделывала па, высоко подняв голову, по-особому вскидывая длинные ноги, отчего красная широкая юбка кружилась вокруг них. Алёшка балдел. Аля казалась загадкой, которую не разгадать с ходу. Поженились они в августе. Комнату им дали в том же общежитии, в семейном отсеке. Первое время Алёша не мог насмотреться на жену, потом счастье, став обыденным, перестало ощущаться... В столовую он не ходил, а в общежитии старался проشمгнуть незаметно мимо Люсиного этажа. Так выходило – они ни разу не встретились. Но однажды всё-таки столкнулись на остановке.

– Женился? – спросила Люся.

– Женился...

И трудно было понять, чего больше в его голосе – радости или грусти. На следующий день он пришёл в столовую. Люся, как когда-то, присела рядом.

Прошла зима, незаметно подкралась другая. Аля знала, что Алёша захаживает к Люсе, но годовалый Стёпушка отбивал все мысли о разводе. Новый год отмечали в складчину. Столы накрыли в комнате отдыха.

Алёша пришёл в новом пуловере, связанном женой. У Али в ушах поблескивали серёжки с фианитом, тоже новые. Минут за пятнадцать до боя курантов Алёша куда-то исчез. Спустившись этажом ниже, он толкнул дверь. Люся в халатике хлопотала у детской кроватки, рядом с которой на табуретке зеленела маленькая ёлочка. Алёша обнял Люсю за плечи.

– С Новым годом! Как Ванюшка?

– Да что ему сделается? Спит и спит. Твоим курносым носиком сопит.

– Моим.

Аля сидела, как на иголках. Но когда Президент начал свою праздничную речь, Алёша уже был рядом с ней. Ушли они к себе рано, часу во втором, боялись, что Стёпушка проснётся и испугается один.

ЧИСТАЯ ПЯТНИЦА

Нина Аркадьевна возвращалась с работы усталой: день складывался напряжённым, потом беготня по магазинам, толчея в троллейбусе. Всё, как у всех. Впрочем, нет: вот ведь проезжают мимо счастливики в автомобилях с тонированными стеклами, беззастенчиво обдавая грязью прохожих. Счастливики? Да нет. Она так не думала: у каждого, пусть ты и богат, свои беды. Да и воспитана была так: никому не завидовать.

У подъезда кучковались пенсионерки – самое время подышать свежим воздухом: один сериал уже за-

кончился, другой начнётся через час. Нина Аркадьевна улыбнулась своим мыслям и так, с улыбкой, вошла в подъезд. Пахло, как всегда, омерзительно, на стенах надписи, все сплошь на ломаном английском.

Она тушила мясо и думала: «Вот Анна Павловна рассказывала, что у них в подъезде поставили железную дверь и вроде стало получше, хотя всё равно бумажки валяются и шелуха от семечек. За железной дверью кто сорит? Конечно же, свои. Украдкой. Нет, железная дверь ничего не решает. Нужно...» Нина Аркадьевна бросила недочищенную картофелину в мойку, пошла в ванную, налила в таз тёплой воды.

– И что это вы, Ниночка, делаете? – раздался медоточивый голос, и дверь пятой квартиры приоткрылась на узкую щёлочку.

– Да вот решила прибраться места, так сказать, общего пользования.

– А я уж подумала, – ухмыльнулась соседка, – что вы к нам уборщицей устроились, подработать. Врачи всё кричат, что им мало платят... И что же, так до первого этажа мыть будете?

– Да, весь подъезд, – Нина Аркадьевна наклонилась над тазом, выжала тряпку.

– Значит, одна за всех... так надо понимать, Нинок? И тебя же ещё обсмеяли... – подвёл итог муж, когда за ужином она рассказала ему обо всём.

– Ну и пусть, а я через неделю опять всё вымою и стены отдраю получше.

Но замыслам Нины Аркадьевны не суждено было сбыться. Когда в пятницу она открыла дверь подъезда, оттуда пахнуло чем-то приятным.

– Вытирайте ноги, пожалуйста, вот половичок, его бабуля из девятой презентовала, – сказала ей Верочка.

– Вера, а почему у нас пахнет розами?

– А я в воду шампунь плеснула. Вы как в тот раз подъезд вымыли, тут же решила: а я чем хуже? Тоже не белоручка...

ЯБЛОКИ НА СНЕГУ

Аркадий толкнул дверь подъезда, изрядно примёрзшую за ночь, и почувствовал на лице холодные уколы редких снежинок. Сизо-белая мгла отливала мутной метельной тьмой.

«Градусов двадцать пять будет, – подумал Аркадий, огорчившись, что не посмотрел на термометр за кухонным окном. – Вот и мерзни теперь в лёгкой дублёнке вместо тёплого полушубка. В такую погоду хороший хозяин собаку из дома не выгонит».

Собак в обозримой дали действительно не было, да и их хозяев тоже, досматривали, видно, последние воскресные сны. Только от угла, от первого подъезда, двигалась плохо различимая фигура, поверх чего-то мехового укрытая клетчатой шалью.

«И куда бабульку спозаранок несёт», – не успел подумать Аркадий, как та лихо проехала по ледяной, раскатанной ребятами дорожке («ну бабулька и лихачка!») и ... хлопнулась в снег.

– Осторожней надо, бабуля, – он подлетел к сугробу, протянул руку, помог подняться. Шаль сползла с головы незнакомки: лицо было молодое, улыбочное.

– Ой, извините, я вас за бабулю принял, – смутился Аркадий, отряхивая девичью шубку.

– Ну не мудрено в такую непогоду, и все мы, как бабульки, в этих размахайках... Мода... А где же мои яблоки?

– Что?

– Яблоки. Были в пакете, пока я не растянулась.

Аркадий пригляделся: действительно, зелёно-красные яблоки лежали на снегу.

– А вы, девушка, любите яблоки?

– Яблоки полезны... особенно детям.

– Стоп... – глаза Аркадия заискрились весельем, – коль разговор о детях... вы – учительница. Угадал?

– А вы врач. И у вас хобби – ходить в баню под Новый год...

– Да... врач. Только не Женя Лукашин, а Аркадий Воронцов. Да и в Ленинграде никогда не был. Моё хобби – помогать застрявшим в снегу девушкам собирать рассыпанные яблоки.

– А меня зовут Катей. Екатериной Максимовной. Собралась со своим классом на лыжах, а пришло только пятеро... Перенесли на следующие выходные...

– А я на дежурство в кардиологию.

Прошла неделя. Подул южный ветер, навалило снежку, и 11 «А» собрался на лыжную прогулку в полном составе. Когда Аркадий и Катя подошли к школе, все разговоры стихли.

– Курить – здоровью вредить, – сказала Катя вместо приветствия, и мальчишки, не спеша, загасили сигареты. – Ребята, знакомьтесь, это Аркадий Леонидович, врач. Он пойдёт вместе с нами. Подберите ему лыжи.

– А можно вопрос, Екатерина Максимовна? – темноглазая девушка в ярко-жёлтой куртке подняла, как на уроке, руку в кожаной перчатке. – В каком качестве будет сопровождать нас Аркадий Леонидович... – как врач или... как ... ваш... поклонник?

– Ирина... – укорила Екатерина, но в голосе её не чувствовалось строгости.

– Как поклонник, – негромко отозвался Аркадий, и тут же вступил в разговор парень баскетбольного роста.

– Вот ты, например, Ирка, сломаешь на горке ногу, а Аркадий Леонидович...

– Лучше ты, Ермолаев, сломаешь ногу, – отпарировала Ира.

– Так, – решительно прервала перепапку Катя, – я еду первая, замыкающим – на всякий пожарный – Аркадий Леонидович. Устраивает?

«Конечно, не устраивает», – подумал Аркадий, но послушно пошёл в конец шеренги.

Катюша очень нравилась Аркадию, но, что удивительнее, нравилась она и его маме.

– Хорошая девушка, серьёзная, с интеллигентной профессией, хоть и неденежной, и по годам тебе пара, а не какая-нибудь соплюшка... Мила, бойка в меру... Нет, Аркаша, не упускай, время уходит, сынок, в 30 лет пора обзавестись семьёй, – наставляла Вера Андреевна.

– Так он уж... – хотел было высказаться Леонид Васильевич, но жена тут же перебила: «Не буди лихо, пока тихо» и, будто мимоходом, спросила сына: «А квартира-то у Екатерины на каком этаже?»

– Не был я у неё, мам, не приглашала.

– И хорошо. Значит, не ветер в голове.

Масленицу отмечали у Катиной подружки – Варвары. С пылу, с жару ели блины, поливая их кто сметаной, кто сгущёнкой. Когда Катя ушла запекать новую партию, Аркадий и Варин муж расставили шахматы. Но хозяйка, мигнув супругу, услала его «по хозяйству», а сама под села к Аркадию.

– Вы меня простите. Но мы с Катей вместе учились, за одной партией сидели, она мне как сестра, – Варвара задумчиво покрутила в пальцах «слона», поставила его на белую клетку. – Я уж, Аркадий, с вами попросту... Не тяните, женитесь на Катюше... Она... замечательная. И не такая, как все. Доброты в ней – через край. Взять хоть этих девчонок. Трудно ведь с ними.

– Да... – неопределенно пробормотал Аркадий, вспомнив бойкую Иру.

– О чём это вы шепчетесь – без меня? – Катя внесла тарелку с пышными, политыми растопленным маслом блинами. – Пробуйте – удались?

Предложение он сделал Катюше зимой, 6 декабря, в день её двадцативосьмилетия. Встретил, как всегда, у школы, под ближним фонарём вынул высланную розовым шёлком коробочку со скромным колечком.

– Ну, что мне ответишь, Катюша, «да» или «нет»?

Катя крутила на пальце подаренное колечко, сапожком подгрребала снег, укладывала его горкой, притаптывала и молчала.

– Год как мы знакомы, а ты... даже домой не разрешаешь проводить по-человечески...

– А как это по-человечески, Аркаша?

– Ну, до подъезда хоть. Я ведь даже адреса твоего не знаю. Что за секреты...

Секреты, впрочем, были и у Аркадия. Два. Первый – грустный. Когда-то (давным-давно, как казалось ему самому) он был женат. Но под одной крышей они прожили полгода, потом разбежались. Как? Почему? В двух словах не расскажешь, да и вспоминать не хотелось. А второй секрет был, пожалуй, весёлый. Дело в том, что каждое предновогодье Аркадий подрабатывал Дедом Морозом – сначала, в студенчестве, для того, чтобы заработать собственных денег на подарки родителям, потом... Потом просто не мог оторваться от этого волшебного занятия.

... 30 декабря к семи вечера у него осталась только одна заявка. Он поднялся на последний этаж старой пятиэтажки, позвонил весёлой трелью, дверь тут же открылась, две девчухи – лет пяти-шести – стояли на пороге... Ахнув, они радостно закричали куда-то в глубь коридорчика: «Мама! К нам Дед Мороз пришёл!»

– А ёлочка у вас есть, бусинки-резвухи? – спросил Аркадий, входя в образ. – Пойдёмте хоровод водить!

– Сюда, сюда, Дедушка Мороз! – из комнаты, топясь, выбежала молодая женщина в синем платье с полосатым воротничком.

– Катя?! – в замешательстве Аркадий скинул громоздкую красную шапку с блестками, расстегнул кафтан.

– Ой, а Дед Мороз ненастоящий, просто дяденька... – огорчились девчухи.

Он опрометью выскочил из подъезда. Сердце колотилось, как бешеное. Аркадий сгрёб комок снега,

провёл по лицу, размазывая румянец на щеках. Вот так Катя-Катерина! Обманщица! Впрочем... Почему обманщица? Она никогда не сказала ему ни слова неправды. Варвара говорила тогда о девчонках, а он не понял... И что в том такого страшного, что есть у неё дети: девочка и девочка, две девочки... И любит он её по-прежнему.

Через полчаса мороз начал забираться даже в тёплые валенки. Аркадий снова надавил кнопку звонка.

– Мама, опять этот дяденька, ну который Дед Мороз. Впустить? А вам чего – жарко у нас в квартире стало? Да?

В десятом часу дети наконец-то уснули на раздвинутых креслах. Катя подошла к окну, чуть отодвинула край шторы. Аркадий встал рядом, обнял её за плечи: «Значит, это им ты несла яблоки... ну, когда мы встретились?» Катя кивнула.

– И давно они с тобой?

– Считай сам, Аркаша. Тогда мой «одиннадцатый» был еще «восьмым». Ира (помнишь Ирину?) предложила купить сладостей и отвезти в детдом. Мы испекли пироги, купили конфет... Все малыши улыбались, а Валя и Аля... они стояли серьезные-пресерьезные и даже не развернули подарков... А когда мы стали уходить...

– Ты умница, Катюша...

– Смотри, звезда упала. Успел загадать желание?

– Загадал.

– Только не говори, какое, а то не исполнится...

– Исполнится, Катюша, обязательно исполнится...

А загадал я, что этот Новый год мы встретим все вместе: ты, я, Валечка и Алечка. Это же семейный праздник!

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	3
АССОРТИ.....	6
ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ	9
БАБУЛЬКА	11
НА МАЛЕНЬКОМ ПЛОТУ... ..	13
«ДАМА С СОБАЧКОЙ»	17
ДОМ ОКНАМИ В ЛЕС	19
ЕЩЁ НЕ ВЕЧЕР	25
ЖИЛИ-БЫЛИ КОРОЛЬ С КОРОЛЕВОЙ.....	27
ЗА СИНИЕ ГОРЫ, ЗА БЕЛЫЙ ТУМАН	30
ЗОЛУШКА.....	35
КВАКА-ЗАДАВАКА	38
КОФЕ ПО-ВЕНСКИ	41
КРАСНАЯ ШАПОЧКА.....	43
КУКЛА МАША	45
КУРОЧКА РЯБА	46
ЛЯ ПОМ.....	49
ПИРОГ С КАПУСТОЙ.....	51
САДОВО-ОГОРОДНЫЙ РОМАН.....	54
САМАЯ КРАСИВАЯ.....	59
СТАКАН ЧАЮ С ЛИМОНОМ.....	61
СЮРПРИЗ ДЛЯ ДВОИХ	65
ТРИ ПЛЮС ДВА.....	70
ЧИСТАЯ ПЯТНИЦА.....	72
ЯБЛОКИ НА СНЕГУ	74

Барановская Татьяна Николаевна

Дом окнами в лес

Рассказы

Ответственный за выпуск Алексей Бандорин
Редактор Людмила Салтыкова
Технический редактор Наталья Меньшикова
Компьютерный набор: Надежда Морозова
Верстка Наталья Меньшикова
Корректор Валентина Шендалева
Дизайн обложки: Ирина Курицына

Подписано к печати 29.01.2009г.
Формат 70х90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. 5. Тираж 100 экз.

ISBN 978-5-902405-03-3

ISBN 978-5-902405-03-3

Издательство «Старт» –
лауреат Всероссийской литературной премии
имени генералиссимуса А.В.Суворова
г. Рязань, ул. проф. Никулина, д. 6
Отпечатано в типографии издательства.